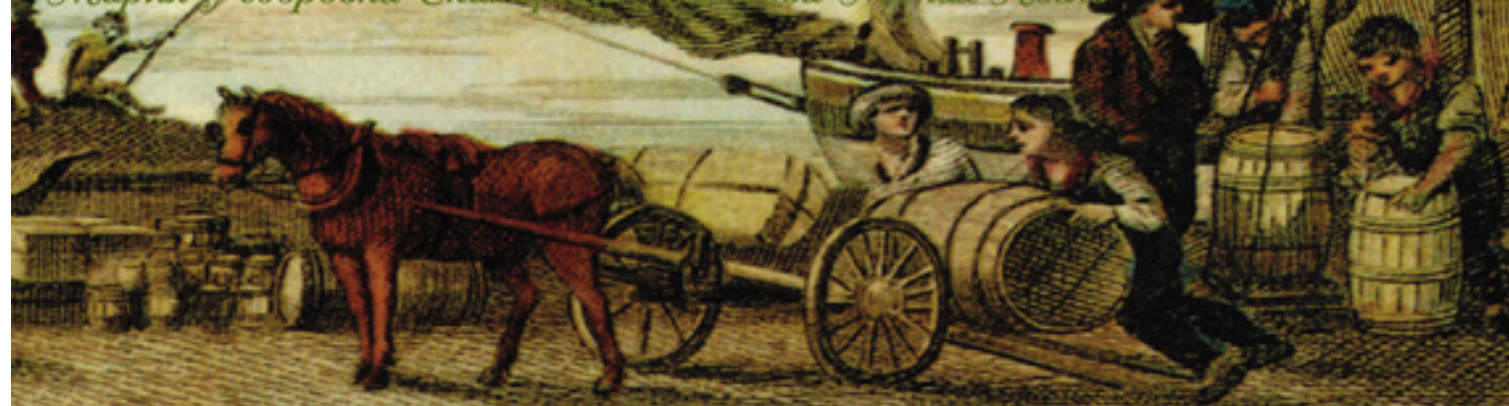

ЕВГЕНИЙ АНИСИМОВ

Толпа героев XVIII века

Царевич Алексей Петрович * Кронпринцесса Анна Павловна *
Императрица Екатерина I * Царица Евдокия Федоровна *
Царица Прасковья Федоровна * Мария Тамильтон *
Цесаревна Анна Петровна * Павел Ягужинский *
Архиепископ Феодосий * Борис Шереметев * Яков Брюс *
Роман Брюс * Михаил Голицын * Петр Толстой *
Корнелий Крюйс * Витус Беринг * Абрам Ганнибал *
Император Петр II * Наталья Долгорукая *
Эрнст Иоганн Бирон * Бурхард Христофор Минин *
Андрей Ушаков * Балакирев со товарищи * Алексей Черкасский *
Феофан Прокопович * Андрей Остерман * Анна Леопольдовна *
Император Иван Антонович * Алексей Разумовский *
Кирилл Разумовский * Ванька Каин * Наталья Лопухина *
Иван Шувалов * Бестужев-Рюмин * Михайло Ломоносов *
Петр Шувалов * Императрица Екатерина II *
Александр Сумароков * Иван Бецкой * Софья Делафон *
Екатерина Дашкова * Денис Фонвизин * Алексей Бобринский *
Николай Львов * Княжна Марьяканова * Григорий Орлов *
Алексей Орлов * Григорий Потемкин * Румянцев *
Станислав-Август Понятовский * Братья Ланьны *
Емельян Пугачев * Александр Безбородко * Яврийл Державин *
Митрополит Арсений * Александр Суворов *
Степан Шешковский * Александр Радичев * Федор Каржавин *
Платон Зубов * Прасковья Ягужинская * Император Павел I *
Мария Федоровна * Екатерина Ягужинская * Монах Авель *

ЕВГЕНИЙ АНИСИМОВ

Толпа героев XVIII века

«Анисимов Евгений Викторович»

2013

Анисимов Е. В.

Толпа героев XVIII века / Е. В. Анисимов — «Анисимов Евгений Викторович», 2013

ISBN 978-5-271-45964-1

Евгений Анисимов – известный историк, ученый с мировым именем – каждую свою книгу пишет, как увлекательный детектив! В них нет сухих цифр и нагромождения фактов, а исторические персонажи – живые люди с интересными судьбами. Анисимов – автор книг «Куда ж нам плыть: Россия после Петра Великого», «Афродита у власти», «Дыба и кнут: политический сыск и русское общество в XVIII в.», «Анна Иоанновна», «Иоанн Антонович»; автор и ведущий циклов телепрограмм «Дворцовые тайны», «Пленницы судьба», «Кабинет истории». «Эта толпа моих героев образовалась как-то внезапно. Про одних я писал сценарий документальной передачи для телевидения, про других я узнал случайно и увлекся историей их жизни, третьи всегда влекли меня яркостью, необычностью своей судьбы...» (Евгений Анисимов)

© Анисимов Е. В., 2013

ISBN 978-5-271-45964-1

© Анисимов Евгений
Викторович, 2013

Содержание

Предисловие	5
Царевич Алексей Петрович: неумолимый рок и нелюбимый сын	7
Кронпринцесса Шарлотта: из России без надежды	12
Императрица Екатерина I: жар поздней любви	16
Царица Евдокия Федоровна: необыкновенная живость глаз	28
Царица Прасковья Федоровна: царственная приживалка	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Евгений Викторович Анисимов

Толпа героев XVIII века

Предисловие

Один из выдающихся историков прошлого генерал Николай Карлович Шильдер – автор знаменитых многотомных монографий «Павел Первый», «Александр Первый», «Николай Первый» – был сторонником версии ухода Александра I в народ под личиной «старца Федора Кузьмича». Вопрос этот, как известно, не разрешен и до сих пор. Придерживающиеся мнения, что утомленный властью император, воспользовавшись удобным случаем, скрылся в толпе своих подданных, сталкиваются в непримиримом споре со своими противниками, которые утверждают, что государь благополучно скончался в Таганроге в 1825 году и ныне преспокойно лежит в гробнице Петропавловского собора в Петербурге. Н.К.Шильдер – педант от науки и тщательный источниковед, великолепно знавший весь относящийся к таганрогской истории материал, пришел к своему выводу не сразу. Он долго колебался, но, как рассказывал современник Шильдера, причиной окончательного перехода историка на позиции сторонников ухода... стало сонное видение. Как-то раз, ночью, Шильдер лежал в своей спальне и тяжело страдал от мигрени. И тут ему явился призрак Федора Кузьмича, мгновенно излечил историка-страдальца от головной боли и поведал, что да, он – истинный император Александр Павлович.

Конечно, можно посмеяться над ночным видением Николая Карловича и справедливо отвергнуть сей, так сказать, аргумент. Но все же, будем милосердны к историку: каждый из нас, занятый делом, особенно горячо любимым, может подтвердить, что дело это с годами становится частью жизни, судьбы, сознания, живет с нами во сне и наяву. Вот и неудивительно, что Николай Карлович, «встретившись» с призраком своего героя, безоглядно поверил ему. Нет, нет, я не собираюсь пугать читателя своими «историческими видениями», я лишь хочу сказать, что, годами работая над историческими источниками о людях прошлого, готовя книги, статьи и сценарии о них, как-то незаметно проникаешься частичкой (конечно, только частичкой!) жизнью, мыслями своих героев. Они становятся будто твоими близкими знакомыми, и, проходя по залам музеев, мгновенно узнаешь их среди прочих лиц, взирающих с потемневших от времени портретов. Кажется, что твои герои как-то значительнее, чем лица с других портретов, смотрят на тебя, кажется, что ты лучше прочих твоих современников, рассеянно бредущих по этим залам, понимаешь своих героев, только один знаешь их характер и норовишь, уходя, даже подмигнуть им (как тут не вспомнить картинную галерею Хогварта из «Гарри Поттера»). Эти давно ушедшие в никуда люди для тебя как будто живы, они идут некоей толпой в параллельном нашей жизни, невидимом «умственном» пространстве. Так некогда, в прошлом, выйдя после занятий из дверей школы, не смешиваясь с потоком пешеходов, шли наши друзья, одноклассники. И ты, оглядываясь вокруг, видел их лица и улыбался им...

Эта виртуальная толпа моих героев образовалась как-то случайно, как порой случайно образуется класс или студенческая группа. Как и мы, герои прошлого объединены временем и судьбой. В их соединении под одной обложкой этой книжки нет никакой системы: про одних мне заказали сценарий документальной передачи на телевидении, про других я узнал случайно и увлекся историей их жизни, третьи всегда влекли меня яркостью, необычностью своей судьбы, да не было возможности углубиться в их историю. А вообще-то были и такие персонажи, о которых я так ничего и не написал, – они не «дались» моему перу.

Конечно, о людях прошлого (как и вообще о людях) писать трудно. Автор всегда рискует упасть или в одну, или в другую крайность: либо принимается сочинять «житие» героя, стре-

мясь загладить все неровности его биографии, либо, наоборот, макает перо в желчь и пишет памфлет, «разоблачая» своего героя. Я стремился избежать и того и другого. Я всегда помнил, что надо быть осторожным: люди прошлого безгласны, они не смогут ответить на обвинения потомков. Эти герои, идущие рядом с нами по истории России, в общем-то, беззащитны перед потомками. Они молча и выжидающе смотрят на нас с портретов, ожидая нашего суда. Так будем по возможности милосердны и понимающи!

Автор

*Санкт-Петербург,
сентябрь 2012 года*

Царевич Алексей Петрович: неумолимый рок и нелюбимый сын

Один из сподвижников Петра Великого гвардейский офицер Александр Румянцев описывал в письме к другу, как поздней ночью 26 июня 1718 года Петр I вызвал его к себе в Летний дворец. Войдя в царские апартаменты, Румянцев увидел такую сцену: возле сидевшего в кресле государя стояли глава Синода архиепископ Феодосий, начальник Тайной канцелярии (политической полиции того времени) граф Петр Толстой, его заместитель майор гвардии Андрей Ушаков, а также супруга Петра, Екатерина Алексеевна. Все они успокаивали плачущего царя. Обливаясь слезами, Петр приказал Румянцеву и трем другим офицерам тайно умертвить своего старшего сына, царевича Алексея Петровича, заключенного в то время в Тру-

бецком бастионе Петропавловской крепости. Это был финал подлинно шекспировской драмы, развернувшейся на глазах всех российских подданных...

Будущий конфликт отца и сына, их отчужденность, переросшая затем во вражду, были предопределены изначально тем положением, в котором оказался наследник российского престола. Царевич Алексей – сын Петра от первой жены Евдокии Лопухиной – родился 18 февраля 1690 года. Мальчику было всего восемь лет, когда у него отняли мать. Царь приказал сослать ее в монастырь и насильно постричь в монахини. Алексей сильно переживал разлуку с матерью, но отец запрещал ему видеться с бывшей царицей – старицей Еленой суздальского Покровского монастыря – и, узнав однажды, что царевич, уже семнадцатилетний, тайком ездил в Суздаль на свидание с матерью, был вне себя от гнева.

Петр не любил старшего сына как живое и неприятное напоминание о своем неудачном первом браке. Он назначил Алексею содержание, определил учителей и воспитателей, утвердил программу образования и, занятый тысячами срочных дел, успокоился, полагая, что наследник на верном пути, а если что – страх наказания поправит дело. Но Алексей, оторванный от матери, отданный в чужие руки, сирота при живых родителях, терзаемый болью и обидой за мать, конечно, не мог стать отцу близким человеком. Алексей вырос угрюмым, самолюбивым человеком, чуждым отцу по своим склонностям и интересам, да к тому же со временем стал большой любитель горячительного (кстати, этим увлекался и сам Петр). Лень, зависть, страх перед грозным батюшкой заглушили те добрые начала, которые были в нем. Позже, на допросах под пытками, он показал: «... Не токмо дела воинския и прочия от отца моего дела, но и самая особа (отца. – Е.А.) зело мне омерзла...», то есть стала омерзительна, крайне неприятна. Тем более не возникло близости между отцом и сыном позже, когда у царя появилась новая жена Екатерина Алексеевна, которой совсем не нужен был пасынок – соперник ее детей от Петра. В сохранившейся до наших дней переписке Петра и Екатерины царевич Алексей упоминается два-три раза, и ни в одном из писем ему нет даже слова приветия. Письма же отца к сыну холодны, кратки и бесстрастны – ни слова одобрения, поддержки или тем более ласки. Порой в них нет даже принятого в письмах обращения – так, записка в конверте. Создается впечатление, что, как бы ни поступал царевич, отец им был вечно недоволен. Возможно, у царя были причины для недовольства сыном, но во всем этом виноват был только царь. Когда-то он отмахнулся от мальчика, отдав его на воспитание чужим и мелким людям (его воспитателем был назначен Меншиков, о чьих педагогических способностях и даже неграмотности мы много слышаны), и уже через десять лет Петр получил за своей спиной врага, не принимавшего ничего из того, что делал и за что боролся он сам.

Царевич вовсе не был слабым и трусливым истериком, каким порой его изображают. Ведь до сих пор Алексея представляют в образе, который талантливо, но предвзято создал Николай Черкасов в довоенном фильме «Петр Первый». На самом же деле Алексей Петрович – сын своего великого отца – унаследовал от него волю, упрямство. Забегая вперед, отмечу, что наследник не организовывал никакого заговора против отца, как пытались потом представить дело Петр и государственная пропаганда. Его сопротивление отцу было пассивным, никогда не вырывалось наружу, оно пряталось за демонстративным послушанием и формальным почитанием Петра как отца и как государя. Но все же царевич с нетерпением ждал своего часа, который должен был наступить со смертью отца. Он верил в свою звезду, твердо знал: за ним, единственным и законным наследником, – будущее, и нужно лишь, сжав зубы, дожидаться часа своего торжества. При этом царевич не чувствовал себя и одиноким: за его спиной стояли верные люди из ближнего окружения, на его стороне были симпатии знати, раздраженной господством выскочек вроде Меншикова, его поддерживали все, недовольные реформами.

В октябре 1715 года узел этой трагедии затянулся еще туже. К этому времени Алексей по воле Петра был уже давно женат на вольфенбюттельской кронпринцессе Шарлотте, и 12 октября у супругов родился второй ребенок – сын, названный в честь деда Петром. Вскоре

после родов Шарлотта умерла. Буквально через две недели жена Петра Великого, царица Екатерина родила долгожданного мальчика, которого тоже называли Петром. Он рос здоровым и живым малышом. Шишечка, Потрошенок (то есть плоть от плоти) – так называли сына Петр и Екатерина в своих письмах. Как юные родители-молодожены восхищаются своим первенцем, так уже немолодая царская чета с восторгом встречала первые шаги своего сынка. «Прошу у Вас, батюшка мой, защиты, – шутит в письме Екатерина, – так как он немалую ссору имеет со мной из-за Вас: когда я про Вас помяну ему, что папа уехал, то не любит такой речи, что уехал, но более любит и радуется, когда скажешь, что здесь папа». В другом письме: «Дорогой наш Шишечка часто своего дражайшего папу упоминает и при помощи Бога в своем возрасте совершенствуется».

Царь и царица мечтали о счастливом будущем своего сына, с Шишечкой были связаны все их надежды, они даже называли его «санкт-петербургским хозяином». При этом счастливые родители как бы забывали, что тут же, в столице, живет царевич Алексей – законный будущий хозяин России, у которого также есть свой наследник – ровесник Шишечки, великий князь Петр Алексеевич. Нет! Царь не забывал об этом ни на минуту. Не в его стиле было уходить от проблем, особенно когда шла речь о судьбе России. Сразу после рождения двух Петров начинается переписка царя и наследника престола. Она кажется странной, нарочитой – оба живут в одном городе, в версте друг от друга. Письма царя к сыну кажутся манифестами, они будто предназначены, чтобы потомки знали о претензиях Петра к Алексею. По этим письмам мы видим, что после рождения Шишечки претензии царя к старшему сыну становятся всё серьезнее, обвинения – всё суровее и резче. Петр требует от Алексея стать ему верным, усердным помощником в многотрудных делах, вообще сделаться другим – «отменить свой нрав». Иначе, угрожает царь, «тебя наследства лишу, [отсеку] яко уд гангранный, и не мни себе... что я сие только в острастку пишу: воистину... исполню, ибо за мое Отечество и людей живота своего не жалел и не жалею, то како могу тебя, непотребного, пожалеть?»

Эта угроза выдавала истинные, зловещие намерения Петра: лишить Алексея наследства, завещать престол младшему сыну, любимому Шишечке. Но при этом старший брат ни в коем случае не должен быть ему соперником в будущем. Царь требует, чтобы Алексей безусловно отрекся от прав на престол. В ответном письме царевич выражает на это свое полное согласие. Но Петру этого мало. Он требует, чтобы Алексей ушел в монастырь. И на это соглашается царевич. Но нет покоя подозрительному царю: он опасается, как бы акт об отречении сына после его, Петра, смерти не оказался филькиной грамотой, простой бумажкой. Монастырь – не могила, из него и выйти можно, и сесть на престол. Словом, пока жив Алексей, он, в глазах Петра и Екатерины, опасен для Шишечки и его будущих братиков.

Уехав из Петербурга в Копенгаген на войну (Петр предполагал высадить десант на берегах Швеции), царь в августе 1716 года письмом вызвал Алексея к себе, в армию, причем потребовал, чтобы тот детально указал маршрут и время прибытия в каждый из городов на своем пути, с тем чтобы контролировать передвижение сына. Алексея это насторожило – от отца он мог ожидать всего чего угодно. Царевич собрался в дорогу, но его терзал страх: он опасался, что ему либо устроят покушение по дороге, либо при встрече отец обрушит на него свой неистовый гнев. На пути в Копенгаген, в Польше, Алексей неожиданно изменил маршрут и тайно бежал во владения Австрии, где надеялся найти прибежище. Ведь сестра покойной жены царевича, Елизавета, была супругой австрийского императора. Несомненно, поступок этот – акт отчаяния, попытка разорвать смыкавшееся вокруг него кольцо, спастись от неминуемой гибели. Но побег за границу в те, да и в позднейшие времена – это страшное для российского подданного преступление, которое расценивалось однозначно как государственная измена. Алексей это знал, и вынужденное бегство это породило в его душе страшные душевные муки. Он потерял покой и не мог найти себе места, чувствуя свою вину перед отцом и Россией.

Узнав о бегстве сына, Петр был вне себя от ярости. На розыски царевича он послал П.А.Толстого, дав ему строжайший приказ: во что бы то ни стало доставить Алексея в Россию. Толстой вместе с А.И.Румянцевым долго прочесывал владения австрийского императора, пока наконец не обнаружил беглеца в Италии, под Неаполем. Настигнув царевича, Толстой ловко воспользовался угрызениями совести, которые терзали Алексея. Разжигая у него чувство вины, обещая – от имени царя – безусловное прощение в случае явки с повинной, Толстой сумел выманить царевича в Россию.

Вот уж кто оказался предателем, так это любовница царевича Ефросинья, простая крепостная девушка, которую Алексей полюбил и увез с собой за границу. Она помогла Толстому сломить волю царевича, усыпить его страх и заманить в западню. В материалах Тайной канцелярии сохранилась краткая запись, сделанная уже потом, несколько лет спустя после гибели царевича: Ефросинья получила на свадьбу с неизвестным нам человеком две тысячи рублей из денег покойного царевича. По тем временам это была огромная сумма денег, и это, без сомнения, были иудины сребреники.

Вернувшегося домой царевича ждало не прощение царя, а его гнев. Алексея подвергли допросам, очным ставкам, пыткам, причем сам отец сидел за столом следователя в пыточной палате. Он наблюдал, как его родного сына заплечных дел мастера² подвешивают на дыбу, бьют кнутом, рвут у него ногти. Летом 1718 года состоялся назначенный государем суд. Все сподвижники Петра, составившие судилище, один за другим вынесли приговор: «Виновен, достоин смертной казни». А потом наступил момент, когда нужно было привести приговор в исполнение. И тут опять позвали Толстого и Румянцева.

Нам неизвестно, о чем думала и что говорила мужу в этот страшный час Екатерина. Конечно, она, его «друг сердешненькой», была рядом, чтобы облегчить тяжкий удел царю, приносившему на алтарь отечества ужасную жертву – своего сына, врага внутреннего. Но не забудем, что в этот поздний час неподалеку от комнаты, где собрались палачи, мирно спал Шишечка. Так сложились обстоятельства, так требовал сюжет этой драмы, что кровь Алексея была нужна и ей, матери «санкт-петербургского хозяина». Кроме того, царица в тот момент была на сносях, и супруги, вероятно, думали, что вскоре родится еще один сын. Но в августе 1718 года родилась дочь Наталья.

Казнь-убийство была совершена, как и приказал государь, ночью, в полутьме. По описанию Румянцева, Алексей не хотел умирать, он вырывался из рук палачей, но они гуртом навалились на него и придавили подушкой. Ослабленный пытками царевич бился недолго, а потом затих. Прибрав комнату и положив тело так, будто царевич безмятежно спит, убийцы исчезли во тьме. Впрочем, есть и другая версия казни: царевича отравили, заставили выпить бокал с ядом. Все равно, вероятно, было так же мерзко: одни держали царского сына, другие вливали яд сквозь стиснутые зубы.

Как бы то ни было, наутро Петр и Екатерина вздохнули свободно: проблема престолонаследия решилась. Царевич Петр Петрович стал полноправным и единственным наследником престола. Он подрастал, умиляя родителей. Но предсмертные крики Алексея, бившегося в руках тайных ночных палачей, повисли проклятием над царским домом. В апреле 1719 года супруги были потрясены страшным несчастьем: их радость, их надежда, милый Шишечка, проболев (возможно, гриппом) несколько дней, умер. Он не прожил и трех с половиной лет. Фундамент благополучия царской семьи дал глубокую трещину. Горе Екатерины было безмерно. Когда она сама восемь лет спустя умерла, то в ее вещах были найдены игрушки – не умершей позже дочери Натальи или других рано скончавшихся детей, а Шишечки, «санкт-петербургского хозяина». Канцелярский реестр трогателен: «Крестик золотой, пряжечки серебряные, свистулька с колокольчиками, рыбка стеклянная, готоваленка яшмовая, фузейка (ружье. – Е.А.), шпажка, эфес золотой, хлыстик черепаховый, тросточка». Так и видишь безутешную мать, перебирающую эти дорогие ей миниатюрные вещицы.

На панихиде по Петру Петровичу в Троицкой церкви Петербурга 26 апреля 1719 года произошло зловещее событие. Один из присутствующих – Степан Лопухин, родственник опальной царицы Евдокии и, следовательно, царевича Алексея, – что-то сказал соседям и кощунственно рассмеялся. Потом на допросе в Тайной канцелярии свидетели показали, что Лопухин сказал: «Еще его, Степана (в смысле рода. – *Е.А.*), свеча не угасла, будет у него будущее!» На пытке Лопухин повинился, что под горящей свечой он имел в виду великого князя Петра Алексеевича, сына покойного царевича Алексея. И это была правда: огонь жизни угас в любимом сыне царя, но он же разгорался в его внуке, ровеснике покойного, родившемся почти одновременно с Шишечкой. Словом, семя сына-врага произросло. Круглый сирота, обделенный вниманием деда, не согретый ничьей любовью, Петр Алексеевич подрастал, как подорожник у дороги, и этому радовались все, кто с нетерпением ждал конца царя-реформатора: и Лопухины, и многие другие его враги. Петр и Екатерина ничего не могли противопоставить жестокой судьбе.

Умирая в январе 1725 года, Петр не назвал имени своего преемника, имя внука тоже упомянуто не было. Царь повторял тем, кто подходил к его смертному ложу, только одно: «После! После!» Он надеялся, что жизнь еще не кончена, что он выкарабкается и на этот раз – ведь ему было всего пятьдесят два года. Но «после» для Петра Великого не наступило. Его ждала смерть, а Россию – эпоха дворцовых переворотов.

Кронпринцесса Шарлотта: из России без надежды

Госпожа д'Обан скончалась в своем хорошеньком домике, что в Витри, близ Парижа. По-видимому, ей было более 80 лет от роду». Так начиналась статья во французской газете 1771 года, вызвавшая в России скандал и официальные опровержения. По версии газеты, умершая под Парижем скромная старушка на самом деле была кронпринцессой Шарлоттой – супругой царевича Алексея, матерью императора Петра II, якобы некогда бежавшей из России...

Брак этот был задуман и осуществлен в высших королевско-императорских сферах тогдашней Европы и примерно с 1707 года стал предметом тайных переговоров и интриг. Дело в том, что Петр Великий, кроме масштабных реформ в своей стране, задумал грандиозное династическое наступление, желая кровными узами связать Романовых с княжеско-королевскими родами Европы. План этот вполне удался: на фотографиях последний император Нико-

лай II выглядит как близнец своего современника английского короля Георга V, а в жилах повелителей Нидерландов и до сих пор течет кровь русских императоров...

И первым в «династический прорыв» Петр бросил собственного сына, царевича Алексея. Известно, что жизнь наследника престола не задалась. Алексей вырос вдали от отца, заброшенный и забытый им. Петру казалось достаточным, чтобы сын был сыт и одет, чтобы у него были учителя и воспитатели. На этом царь считал свой отцовский долг исполненным. Ломавший тысячи человеческих судеб, Петр на чувства сына внимания не обращал – ведь, царь-реформатор, он делал великое дело. Частью этого дела и стала женитьба сына на европейской принцессе.

Невесту для царского сына нашли в Германии. В семье герцога Вольфенбюттельского Антона Ульриха было три внучки: Елизавета, Шарлотта и Антония Амалия. Красавица Елизавета стала австрийской императрицей – матерью знаменитой Марии Терезии, другая сестра – Антония Амалия – вышла замуж за герцога Брауншвейгского (ее старший сын – вот поворот судьбы! – принц Антон Ульрих: в 1739 году он стал мужем Анны Леопольдовны, отцом несчастного шлиссельбургского узника, императора Ивана Антоновича). А третью – Шарлотту, решили пристроить за царевича Алексея. Об этом русские дипломаты в Вене начали переговоры. Девушка (ее полное имя Шарлотта Луиза Христина София, – она была почти ровесницей царского сына – родилась в 1694 году) долго надеялась, что переговоры с русскими дипломатами окончатся неудачей. Так поначалу казалось и всем другим – шведы, начавшие наступление, рвались к Москве, было еще неясно, удержится ли сам царь Петр на престоле. В июне 1709 года Шарлотта благодарила дедушку за письмо, «которое, – писала она, – меня очень обрадовало, так как дает мне некоторую возможность думать, что московское сватовство меня еще, может быть, минует. Я всегда надеялась на это, так как я слишком убеждена в высокой Вашей милости...». Напрасные надежды! Антон Ульрих был прагматичный старик: после победной Полтавы, прогремевшей на всю Европу в том же июне 1709 года, дружить с могущественным и богатым российским монархом германским князьям было выгодно. Да и польский король Август II советовал Антону Ульриху не отказывать царю и предложил устроить свадьбу за свой счет: он тоже хотел угодить Петру – своему главному союзнику в войне со шведами. Все помнили, как король потерял дружбу с Петром, когда в 1706 году предал царя, подписав со шведами Альтранштадтский мирный договор. Словом, за этим браком стояла большая политика. С девушкой поговорили раз-другой, и она дала согласие. У нее даже возникли какие-то иллюзии насчет будущего супружества. В письме матери весной 1710 года Шарлотта писала, что видевший царевича брауншвейгский посланник «его очень хвалит и сказал, что он и умнее, и красивее, чем его описывали. Он говорил также, что лица, окружающие его, все люди умные и достойные».

Первая встреча будущих супругов прошла под Карлсбадом, но не оставила хорошего впечатления друг о друге у молодых людей. Шарлотте не приглянулись манеры грубоватого, замкнутого и совсем не любезного царевича, а Алексею вообще вся затея батюшки с женитьбой на этой немке не нравилась. Но, опасаясь гнева царя, он держал себя с Шарлоттой вежливо, как на первой встрече в Карлсбаде, так и во время второго свидания, после которого Шарлотта писала матери: «Царевич несколько изменился к лучшему в своих манерах, но лицо стало немного худощавее и желтее... Ко мне он, как и в Карлсбаде, очень вежлив, как и его кавалеры. Но он не сказал мне ничего особенного. Он кажется равнодушным ко всем женщинам». Это не так. Алексей был равнодушен к Шарлотте и ее единоплемянницам. Антон Ульрих, имевший соглядатаев в окружении Алексея, писал русскому посланнику Урбаху, что царевич обеспокоен быстрым и успешным ходом переговоров о браке, как и его окружение. Они убеждают царевича тянуть время, писать Петру о том, что нужно «посмотреть еще других принцесс в надежде, что между тем представится случай уехать в Москву и тогда он уговорит царя, чтоб позволил ему взять жену из своего народа». Но Петр был непреклонен, переговоры

с брауншвейгцами закончились составлением брачного контракта, и 14 октября 1711 года в Торгау сыграли свадьбу.

Неприязнь молодых людей после свадьбы не уменьшилась. Царевич видел в невесте напыщенное, конопатое (последствия оспы), худое (кожа да кости) существо, а она считала суженого грубым варваром. Но зато Петр этим браком был вполне доволен: теперь держись, Европа, русские идут! Молодожены прожили вместе полгода, потом Алексей уехал на войну в Померанию (тогда русская армия добивала шведов в их германских владениях), а Шарлотта вернулась к дедушке. Вновь они увиделись уже в Петербурге, в августе 1713 года – только через полтора года! – в построенном для них дворце. Но новоселье на берегах Невы оказалось нерадостным: молодые часто ссорились, жили плохо. С досадой царевич жаловался своим приближенным: «Мне на шею чертовку навязали – как к ней ни приду, все серчает и не хочет со мной говорить!» Будем справедливы: а о чем с пьяным можно говорить?

В 1714 году Алексей один уехал в Карлсбад, на воды, отдыхать и равнодушно оставил дома жену, бывшую тогда на сносях. Петр же приставил к невестке трех высокопоставленных дам. В письме к Шарлотте он писал, что только так можно «предварить лаятельство необузданных языков (то есть сплетни и пересуды. – Е.А.), которые обыкли истину превращать в ложь». Что имел в виду царь? Рождение принцев было делом государственным, публичным. Известны случаи, когда в Европе королевы и герцогини рожали в присутствии сторонних наблюдателей, которые видели, как появился ребенок на свет, убеждались, что он здоров, а главное, они могли засвидетельствовать, что новорожденного не подменили на другого ребенка. Не забудем, что слух о «подменности» правителей был тогда весьма популярен в народе. Так, в России петровских времен многие были убеждены, что родившуюся у царицы Натальи Кирилловны и царя Алексея Михайловича девочку тайно подменили на мальчика из Немецкой слободы, и вот результат: появился царь Петр, а в действительности – немец, который все русское уничтожает!

Шарлотта страшно оскорбилась подозрениями царя на свой счет. Она писала свекру, что «и на ум мне никогда не приходило обмануть Ваше Величество и кронпринца». Тем не менее ей пришлось подчиниться, и «дозор» из трех русских кумушек стоял возле Шарлотты 12 июля 1714 года при рождении девочки, которую назвали Натальей.

В начале 1715 года Шарлотта вновь забеременела, и к середине октября ей предстояло родить сына, как она надеялась. Более того, в письме Петру она даже обещала родить именно внука: династии Романовых остро требовались мужчины – наследники, царевичи, и Шарлотта извинялась перед свекром за свою первую промашку. Между тем ее жизнь с Алексеем Петровичем была, как и раньше, скверной. Супруги ссорились, царевич почти открыто стал жить с крепостной девкой Ефросиньей, с которой в 1716 году бежал за границу.

За десять дней до родов с Шарлоттой случилось несчастье – она упала с высокой лестницы и сильно ушиблась. По легенде, царевич Алексей ударил жену ногой в живот, что и послужило причиной ее смерти. Однако поначалу казалось, что все как будто обошлось: 12 октября 1715 года кронпринцесса родила здорового мальчика, названного в честь деда Петром. Позже, двенадцать лет спустя, он стал императором Петром II Алексеевичем. Казалось, что для роженницы все опасности уже позади. Но вскоре состояние Шарлотты резко ухудшилось, присланные к ней царем врачи ничем больной помочь не смогли, и кронпринцесса умерла 22 октября 1715 года.

До самого своего конца Шарлотта не обрела покоя и умиротворения. Обращаясь к пришедшему навестить ее графу Левенвольде, она говорила: «Нет больше надежды на жизнь, во всех суставах чувствую смерть, но умираю охотно». Ей был двадцать один год от роду. При этом она умоляла Левенвольде просить царя отдать новорожденную царевну Наталью ее близкой подруге Юлиане Луизе, принцессе Ост-Фрисландской, которая жила в России с Шарлоттой, и разрешить им выехать в Германию. О сыне – внуке царя и, возможно, наследнике престола – она даже не упоминала: мальчик навсегда принадлежал России. Царь Петр был в это

время сам болен, но поднялся с постели и в последние часы жизни Шарлотты пришел с ней проститься. Она опять умоляла царя позаботиться о детях. К мужу она даже не обращалась, и вообще неизвестно, был ли он в эти страшные часы возле жены.

По всему видно, что Шарлотта страдала в России. Чужая страна с ее странными нравами и обычаями, экзотической верой, неведомым языком, страшными морозами, вороватой прислугой, злоязычными интриганами-придворными, неустроенной убогой жизнью в холодном доме на берегу Невы – все это угнетало молодую женщину. Но все это можно было бы стерпеть, если рядом был любимый человек, муж-защитник, но главной бедой Шарлотты оказался этот несчастнейший брак с чуждым ей человеком, и это сулило молодой женщине безнадежное будущее... Поэтому Шарлотта думала, что, родив великому царю внука, она выполнила свое земное предназначение, и смерть казалась ей спасением: «Умираю охотно»...

Впрочем, людям неприятны истории с печальным концом, и несчастная судьба немецкой принцессы, исковерканная государственной колесницей, дала толчок появлению красивой легенды о побеге Шарлотты из России. Побег якобы организовала дама ее двора – графиня Варбек. Будто бы как раз во время родов кронпринцессы умерла служанка, чье тело Варбек и положила в постель на место Шарлотты. После этого графиня сообщила царевичу Алексею о кончине супруги и при этом «заметила в нем злобную радость». Царевич, даже не взглянув на покойницу, велел быстро похоронить ее. А тем временем сама Шарлотта с верным человеком графини переправилась в Швецию, оттуда поехала в Париж, а потом – подальше от царских агентов, которые рыскали по всем странам Европы, – села на корабль и уплыла в Америку, во французскую колонию Луизиану, где встретила замечательного красавца и богатого плантатора лейтенанта д'Обана. В 1736 году они вернулись в Европу, где Шарлотта и умерла через много лет, уже в глубокой старости...

Увы, эту легенду разбивает скупая запись в «Поденной записке» Петра Великого от 23 октября 1715 года: «Его Величество... смотрел анатомию кронпринцессы». Царственный любитель анатомии, совершенно лишенный не только предрассудков, но и человеческого такта, из научного интереса возжелал лично установить причину смерти больной и взялся за скальпель и хирургическую пилу, чтобы кромсать тело своей невестки. Так что подмена исключена! Скорее всего, во всей этой франко-американской истории мы имеем дело с самозванкой. Об этом писал Вольтер: «В 1722 году одна полька, приехавшая в Париж, поселилась в нескольких шагах от дома, где я жил. Она имела некоторые черты сходства с супругой царевича. Некто д'Обан, французский офицер, служивший в России, был увлечен таким сходством. Эта случайность, которая заставила его обознаться, внушила упомянутой даме желание быть принцессой. Тогда она, с видом чистосердечной искренности, поведала офицеру, что она – вдова наследника российского престола и положила вместо себя чурбан, чтобы спастись от мужа. Д'Обан влюбился в нее и в ее достоинство принцессы...» Вот это больше похоже на правду, чем вся эта франко-американская история, с которой была начата эта новелла.

Императрица Екатерина I: жар поздней любви

История любви Петра I и Екатерины полна загадок и недоговоренностей, как и каждая история любви, если смотреть на нее со стороны даже добрым, участливым взглядом. Но ясно, что в эту историю не раз и не два грубо вмешивался его величество Случай. Собственно, все началось с того, что летом 1702 года в Лифляндии при сдаче маленькой шведской крепости Мариенбург (ныне это латышский городок Алуксне) произошло непредвиденное событие. В то время как комендант крепости майор Тиль подписал капитуляцию и гарнизон вместе с жителями стал выходить из города, один из шведских офицеров, майор Вульф, взорвал пороховой погреб крепости. Когда раздался оглушительный взрыв и обломки крепостных сооружений стали падать на головы русских солдат, главнокомандующий русской армией фельдмаршал Б.П.Шереметев у всех на глазах порвал только что подписанный договор о добровольной сдаче крепости. Это означало, что Мариенбург отныне считался городом, взятым штурмом,

и поэтому отдавался на поток – разграбление победителями. Жители его поголовно превращались в пленных – в сущности, в рабов. Среди них оказалась и молодая крестьянка Марта Скавронская, служившая прачкой в доме местного пастора Глюка и выданная как раз накануне русского нашествия за шведского солдата-трубача.

Нелепый поступок майора Вульфа оборвал жизни многих людей, но он самым непосредственным образом отразился и на судьбе Петра, России, на нашей истории. Известно, что в каждый момент истории есть сразу несколько вариантов ее развития (физики называют это точкой бифуркации), и выбор варианта порой зависит от случая, от воли того самого пресловутого стрелочника, который со своей стрелки посылает огромный состав истории по одному из многих путей. Майор Вульф и был таким стрелочником. В итоге Марта не растворилась в толпе беженцев, не ушла в Ригу, а попала в плен к русскому солдату, была продана этим солдатом своему офицеру, тот подарил ее Шереметеву, у него симпатичную полонянку забрал себе фаворит царя Петра Александр Меншиков, а уже от него она перешла к Петру и... потом стала императрицей. Словом, неисповедимы пути Господни...

«Екатерина не русская, – говорил в 1724 году своим приятелям отставной капрал Василий Кобылин, участник взятия Мариенбурга, – и знаем мы, как она в плен была взята и приведена к знамени в одной рубашке, и отдана под караул, и наш караульный офицер надел на нее кафтан. Она с князем Меншиковым Его Величество (Петра Великого. – Е.А.) корнем обвела». Слух об этом долго жил в среде простого народа. Действительно, на всю жизнь Екатерина и Меншиков сохранили тесную дружбу. Их объединяла общность судьбы. Оба они, выходцы из низов, презираемые и осуждаемые завистливой знатью, могли уцелеть, лишь поддерживая друг друга. И эта дружеская, доверительная связь сообщников, собратьев по судьбе была прочнее и долговечнее иной интимной близости. Одновременно привязанность царя к Марте – Екатерине – была такой сильной и долгой, что многим современникам казалось: было какое-то приворотное зелье, не могло не быть! Как бы иначе лифляндская пленница могла поймать в свои прелестные сети грозного царя, который впоследствии по этому поводу злобно шутил в письме к жене: «Так-то вы, дочки Евины, поступаете со стариками!»

Однако есть и прагматическое объяснение всему этому. Оно лежит в истории жизни Петра до того самого дня, когда он в доме Меншикова впервые увидел служанку Марту. До этого дня семейная жизнь Петра складывалась из рук вон плохо. Брак с Евдокией Лопухиной был неудачен, противен Петру. Не удалась и жизнь царя с немкой, дочерью виноторговца из Немецкой слободы Анной Монс. Петр ее любил и даже хотел на ней жениться. Но поздней осенью 1702 года под Шлиссельбургом, в Неве, возвращаясь после царского застолья, утонул саксонский посланник в России Кёнигсен. В оставшихся после него бумагах Петр нашел любовные письма от Анхен и другие свидетельства романа саксонца с любовницей царя. Царь был вне себя от горечи и досады. Он приказал посадить Анхен и ее родственников под домашний арест и продержал их так несколько лет, пока не разрешил прусскому посланнику Кейзерлингу жениться на опальной Анне Монс.

Екатерина (это имя она получила после крещения по православному обряду в 1703 году, ее крестным отцом стал царевич Алексей) была женщиной совсем другой, чем Дуня или Анхен. Рано вырванная из привычной для нее традиционной среды, с детства познавшая и добро, и зло, она обладала редкостным умением приспособиться к жизни. Впрочем, эта черта личности – важная, но явно недостаточная, чтобы завоевать сердце Петра, как это сделала Екатерина. Как уже было сказано, царь никогда не был мрачным женоненавистником, и многие из его метресс были, вероятно, рады приспособиться к нраву и привычкам сурового повелителя. Но не тут-то было... Великий царь был суров и недоверчив, не ставя ни в грош слова и дела других. Чтобы проникнуть в его железную душу, завоевать его доверие, мало было жеманиться, поддакивать и услужливо раздеваться. Екатерина как-то интуитивно нашла единственно верный путь к сердцу Петра и, став поначалу одной из его метресс, долго, шаг за шагом, преодолела

вала его недоверие и боязнь ошибиться и в конечном счете достигла своей цели – стала самым близким для него человеком.

С 1705 года Петр стал признавать детей, которых она рожала. С годами он все сильнее привязывался к ней и всегда находил время, чтобы послать маленький гостинец или короткую записку о своей жизни. В январе 1708 года шведы наступали, положение армии Петра становилось отчаянным, она откатывалась в глубь России. К этому времени относится торопливая записка царя, которую нужно было понимать как завещание: «Если что со мною, по воле Бога, случится, тогда три тысячи рублей, которые ныне в доме господина князя Меншикова, отдать Екатерине... с девочкой». Это было все, что он, солдат, идущий в смертельный бой, мог сделать для близкой ему женщины. Только три тысячи! Корона Российской империи была еще впереди.

Письма тех тревожных лет больше напоминают поспешные записки любящих друг друга о встречах, которые все время приходится переносить, отменять, скучая и тревожась долгим молчанием дорогого человека, ловя обрывки смутных слухов, вновь и вновь перечитываемая короткие, отрывочные строки записки, привезенной с оказией. Встретиться некогда, да встречи эти урывками – война, как жаркий пламень, пожирала все его время, отнимала все его душевные и физические силы. «Сама знаешь, – писал Петр Екатерине в 1712 году, – держу в одной руке и шпагу, и перо, и помощников не имею». Да и Екатерина помочь ему не могла, она могла лишь посочувствовать, поддержать: «Батюшка мой, и радость моя, и надежда моя! Будь здоров на множество лет. Благодарю за милость твою, что ты меня обрадовал письмом своим, и я, как читала то письмо, много плакала. Как будто с самим с тобою виделась, и впрямь, надежда моя, не трудись писать ко мне – и так у тебя трудов много. Засим тебе, своему милостивому государю, королева твоя челом бьет, а хорошо бы ты к нам не задержался, с тобою у нас все лучше».

Впрочем, однажды она все-таки помогла Петру. Во время Прутского похода 1711 года против турок, когда русские войска вместе с царем и его женой оказались в окружении и после провала переговоров с главнокомандующим турецкой армией многим казалось, что армия погибнет, Екатерина проявила мужество. После того как Петр, объявив о предстоящем утром прорыве из окружения (акции отчаянной и безнадежной), ушел отдохнуть перед прорывом в свою палатку, Екатерина собрала генералов и настояла на продолжении переговоров с турками, а чтобы они были сговорчивее, согласно легенде, передала для подкупа турецкого военачальника все свои бриллианты, подаренные ей царем за годы их совместной жизни. Подкуп подействовал, и мир наутро был заключен. Позже, в 1714 году, Петр учредил орден Святой Великомученицы Екатерины – высший женский орден в России. Первым кавалером этого ордена, имевшего девизы: «За любовь и Отечество» и «Трудами сравнивается с супругом», была царица Екатерина.

А царицей она стала в феврале 1712 года, когда Петр и Екатерина венчались в Петербурге. Так Золушка обратилась королевой, точнее, царицей. Екатерина не была красивой женщиной. В ней не было ни ангельской красоты ее дочери Елизаветы, ни утонченного изящества Екатерины II. Широкая в плечах, полная, загорелая как простолюдинка, она казалась современникам довольно вульгарной. С презрительным недоумением смотрела в 1718 году маркграфиня Вильгельмина Байрейтская на Екатерину, приехавшую в Берлин с царем: «Царица маленькая, коренастая, очень смуглая, непредставительная и неизящная женщина. Достаточно взглянуть на нее, чтобы догадаться о ее низком происхождении. Ее безвкусное платье имеет вид купленного у старьевщика, оно старомодно и покрыто серебром и грязью».

Другой иностранец, глядя, как естественно ведет себя в высшем обществе Петербурга вчерашняя прачка, услышал слова царя о том, что тот никак не надивится той легкости, с которой Екатерина превращается в царицу, не забывая при этом о своем происхождении. Несомненно, Екатерина обладала природной гибкостью ума, тем чутьем, которое позволяло ей вести себя естественно, просто и вместе с тем достойно.

Долгие годы она хранила тонкую нить их с Петром любви. Сохранилось больше сотни писем Екатерины и Петра, и хотя прошло уже почти три века, эти письма трудно читать как просто исторические документы. От них веет интимной теплотой, они несут в себе глубокое и взаимное чувство, которое связывало мужчину и женщину два десятилетия. Намеки и шутки, часто почти непристойные, трогательные хлопоты о здоровье, безопасности друг друга и более всего постоянная тоска без близкого человека, словом, вечная тема писем всех любящих на свете: «Ради Бога, приезжай скорее, если почему невозможно скоро быть, напишите, так как печально мне, что Вас не слышу, не вижу», «Я слышу, что ты скучаешь, и мне скучно...» Такими признаниями пересыпаны письма царя. Да и ей без него худо: «Как ни выйду, – пишет она о Летнем саде, – часто сожалею, что не вместе с Вами гуляю». «А что пишешь, – отвечает он, – что скучно гулять одной, хотя и хорош огород, верю тому, ибо те же известия и от меня. Только моли Бога, чтоб уже это лето было последнее в разлуке, а впредь бы быть вместе». И она вторит ему: «Только молим Бога, чтобы сделал нам, как Вы желаете, чтоб это лето было последнее в такой разлуке».

Во все времена это называлось одинаково – любовью, и следы ее сохранила выцветшая и ломкая бумага. В 1717 году Петр, будучи в Брюсселе, решил заказать жене знаменитые кружева. Он написал ей об этом и просил прислать образец рисунка для брюссельских кружевниц. Екатерина ответила, что ей ничего особенно не нужно, «только бы в тех кружевах были сделаны имена, Ваше и мое, вместе сплетенные».

Но жизнь Екатерины-царицы не была безмятежна. Петр – человек тяжелого, недоброго характера, он был подвержен приступам гнева и подозрительности. Екатерине все время приходилось думать о том, как сохранить его привязанность. В письме Екатерины к Петру от 5 июля 1719 года мы видим, как умело могла царица подстроиться под образ мышления Петра. Рассказывая ему об одном трагическом происшествии в Петергофе, она пишет: «Француз, который делал новые цветники, шел, бедненький, ночью через канал, и столкнулся, с ним Ивашка Хмельницкий (символ русского пьянства. – Е.А.), и каким-то образом с того моста француза столкнул, и послал на тот свет делать цветники». Так Екатерина воспроизводит даже присущий Петру жестокий юмор, его стиль отношения к людям.

Теперь мы можем сказать наверняка, что Екатерина не была бескорыстна в своей любви к Петру. В последние годы царица умело использовала его слабости для достижения цели, ранее немислимой для нее, простой лифляндской крестьянки. Умело и целенаправленно она подталкивала мужа к решению назначить ее, ради будущего их дочерей, наследницей престола. Нельзя забывать, что время властно вносило свои поправки в эту историю. Письма Петра к Екатерине теплы, но вместе с тем в них звучат нотки легкой грусти, скрытые подчас неуклюжей шуткой. А шутки все об одном: увы! мы – неравная пара, ты молода, красива, а я уже стар, болен, что будет с нами дальше? С ее стороны переписка более напоминает любовную игру: посмотри, ты еще силен, а значит, молод, у нас всё еще впереди! Получив от жены посылку с нужными ему очками, Петр шлет в ответ украшения и сопровождает их словами: «На обе стороны достойные презенты: ты ко мне прислала для вспоможения старости моей, а я посылаю для украшения молодости Вашей». В другом письме, пылая жаждой встречи и близости, царь опять шутит: «Хотя хочется с тобою видеться, а тебе, чаю, гораздо больше, потому что я в твои 27 лет уже был, а ты в мои 42 года не была». Екатерина не пропускает шутки мужа без внимания – она знает, что за этим стоит. И мы читаем в ее письмах милые обращения к «сердечному дружочку старику», мы видим, как она притворно возмущается и негодует: «Напрасно затеяно, что старик!» Она нарочито ревнует Петра то к шведской королеве Ульрике, возле берегов которой плавает на корабле адмирал Петр Михайлов, то (во время визита Петра во Францию) к парижским кокеткам, на что он отвечает с шутиливой обидой: «А что пишете, что я скоро в Париже даму себе сыщу, и то моей старости неприлично».

Эта шутливая игра в старика и молодую жену к 1724 году становится жизнью: ранее такая незаметная между супругами разница в двенадцать лет становится заметной, большой. Петр, которому уже исполнилось в 1722 году пятьдесят лет, сильно сдает. Долгие годы беспорядочной, хмельной, неустроенной жизни, вечных переездов, походов, сражений и постоянной, как писал царь, «альтерации» – душевного беспокойства – делали свое разрушающее дело: Петр стареет. Его терзают болезни, особенно непроходимость мочеиспускательного канала – последствие или характерной для мужской старости аденомы простаты, или, как выяснили современные медицинские эксперты, недолеченной гонореи. Он жестоко страдает от урологических болей, все чаще ездит на водные курорты, где прилежно пьет минеральные воды, свято веря в их исцеляющую силу. Словом, печальная старость стояла на пороге, но, как известно, человеческая душа молода, и чувства царя к Екатерине не только не меркнут, но и разгораются поздним сильным огнем.

Летом 1718 года сорокашестилетний царь, как пылкий молодой любовник, с тревогой пишет Екатерине: «Это письмо, которое я пишу к тебе, – пятое, а от тебя получил только три, почему в беспокойстве о тебе – почему не пишешь? Бога ради, пиши чаще!» Крик отчаяния в другом письме: «Уже восемь дней, как от тебя не получал письма, чего для не без сомнения». И вот одно из последних писем – от 26 июня 1724 года. Тогда Екатерина еще оставалась после коронации в Москве, а Петр уже приехал в Петербург, стояло теплое лето, цвели клумбы в Летнем саду, но нет покоя царю в его городе-парадизе: «Только в палаты войдешь, как бежать хочется – всё пусто без тебя...» Такие острые, отчаянные чувства всегда делают человека беззащитным против соблазнов корысти. Пользуясь любовью Петра I, Екатерина сумела уговорить царя порвать составленное после смерти в 1719 году Шишечки – наследника престола царевича Петра Петровича – завещание, в котором стояло имя старшей дочери Анны, и поставить новое имя – ее, Екатерины. Одновременно царица торопит Петра поскорее выдать замуж старшую дочь Анну, по иронии судьбы ставшую ее соперницей на пути к трону, за приехавшего жениха – Карла Фридриха, герцога Голштинии, маленького государства на севере Германии.

Петр долго раздумывает, все тщательно взвешивает, но в одном он уже уверен – Екатерина должна быть императрицей еще при его жизни, и он торжественно коронует ее в Москве в начале мая 1724 года. Проходит это действо в Успенском соборе Московского Кремля, в присутствии всех высших чинов государства и при огромном стечении народа. Сияющий золотом куполов, роскошью внутреннего убранства собор – творение итальянского архитектора XV века Рудольфо Фиораванти – был традиционным местом коронации русских царей. Золото, бархат, персидские ковры, золотая парчовая дорожка, которая вела от царского места к святым вратам, – вся эта византийская, восточная роскошь жарко горела и сверкала в свете сотен свечей в тот день, 7 мая 1724 года, точно так же, как во времена Ивана III или Ивана Грозного. Только никогда раньше собор не видал такого разнообразия парадных европейских костюмов, которые были на присутствующих в церкви мужчинах и женщинах, и никогда в России короны не достаивалась женщина такого низкого происхождения. С ней мог сравниться только коронованный в 1605 году Лжедмитрий I.

Сам Петр, любитель затрапезной одежды, штопанных женой чулок и разбитых башмаков, в этот день был разодет, как французский король, – в небесно-голубом кафтане с серебряной вышивкой работы самой царицы и в шляпе с белым пером. А как прекрасна была наша героиня! На ней было пурпурное с золотом платье, привезенное из Парижа (оно сохранилось до наших дней), в высокой прическе сверкали бриллианты. Для нее была специально изготовлена и великолепная корона (в допетровской Руси корон не было). Под неумолчный звон колоколов всех московских соборов, залпы салюта, звуки полковых оркестров, в окружении статных воинов с золотыми орлами на плечах – кавалергардов (специально учрежденное к этому дню воинское соединение) – Екатерина вступила в священный для каждого русского человека собор.

Церемония была торжественна, длинна и утомительна. Петр вместе с ассистентами укрыл Екатерину парчовой подбитой горностаеями мантией, которая тяжелым грузом легла на крепкие плечи боевой подруги императора. Затем Екатерина встала на колени, и Петр возложил ей на голову корону, украшенную жемчугом, алмазами и огромным, дивной красоты яхонтом величиной с голубиное яйцо. В этот момент чувства благодарности так переполнили сердце лифляндской полонянки, что она не выдержала, заплакала и пыталась обнять ноги своего повелителя, но он отстранился – не время и не место для сантиментов. А потом был праздник – приемы, обеды, публичное кормление народа жареными быками, фейерверки, салюты. Глядя на озаренное огнями фейерверка синее небо майского вечера, многие москвичи думали так же, как и голштинский придворный Берхгольц, записавший в своем дневнике: «Нельзя не подивиться Промыслу Божию, вознесшему императрицу из низкого состояния, в котором она родилась и прежде пребывала, на вершину человеческих почестей».

Берхгольц, как и почти все гости праздника, не знал главного: накануне коронации Петр разорвал старое завещание и написал новое, в котором назвал Екатерину своей наследницей. Это событие произошло в глубокой тайне, и только проницательный французский посол Ж.-Ж. Кампредон, присутствовавший при торжественной коронации, увидел в этом лишь вершину скрытого от посторонних глаз айсберга, понял истинное значение происходящего под сводами собора и записал: «Особенно примечательно то, что над царицей совершен был, против обыкновения, обряд помазания так, что этим она признана правительницей и государыней после смерти царя, своего супруга».

Такое решение стало результатом долгих размышлений царя, целой вереницы превращений, происходивших в нем самом и в мире, в котором он жил. Хорошо известно, что Петр не готовил поначалу из Екатерины своей преемницы, политика, в многочисленных письмах царя к жене нет и намека на то, чтобы он когда-нибудь обсуждал с женой политические дела. Она ничем, кроме царской кухни и своего небольшого двора, не управляла в России. Даже ведание населенными владениями, положенными ей по статусу царицы, поручалось другим людям. За всем этим был простой и понятный человеческий расчет Петра. Он, сам вынужденный постоянно жить в нервном, иссушающем душу мире политики, сознательно стремился отделить частную жизнь от своего существования в публичном пространстве. Вечерами в лодке-верейке он возвращался в свой маленький, построенный на голландский манер дворец в Летнем саду, и там его ждала заботливая жена с ужином, окруженная детьми и слугами. Петр ужинал, придирчиво проверяя приготовленной заранее меткой, не много ли отъели от головки любимого им лимбургского сыра нахальные повара, Екатерина штопала его белье, трещали горящие дрова в камине, за окном выл ветер, шумели волны Невы, в маленьком зале было тепло и уютно. И вдруг такой резкий поворот – он делает свою скромную ласковую хозяйку наследницей императорского престола! Да, мы понимаем, что к этому царя побудила беспощадная судьба – казнь старшего и внезапная смерть младшего, любимого сына.

В последние годы жизни Петра влияние на него Екатерины все усиливается. Она дает царю то, чего не может дать весь мир его внешней жизни, такой враждебной и сложной. Петр, человек суровый, преобразается в присутствии Екатерины и детей. Словом, весной 1724 года царь дарит любимому человеку самое заветное, что было у него, – престол России. На ее имя он подписывает завещание.

«Катеринушка, друг мой сердешнишкой, здравствуй!» – так начинались десятки писем Петра к Екатерине. С годами эти письма становятся все теплее и сердечнее. Летом 1724 года он возвращается в Петербург и с нетерпением ждет жену, а она не спешит – дело сделано! И опять – уже в который раз! – как в античной драме, беспощадный Рок разрушает благополучие героя: осенью 1724 года Петр внезапно узнает об измене жены, становится ему известно и имя любовника императрицы. Он молод и красив, и все годы он был рядом с царем. Опять же Року было угодно, чтобы в 1708 году Петр приблизил к себе миловидного юношу Виллима

Монса, младшего брата своей старой любви Анхен Монс, очень похожего на свою старшую сестру. Зачем это сделал Петр, мы не знаем, но я думаю, что, так и не забыв первую любовь, царь хотел видеть рядом с собой того, чье лицо напоминало бы ему дорогие черты Анхен. А позже, уже в окружении самой Екатерины, появилась и сестра Анхен – Модеста (в замужестве Балк). С 1716 года Виллим – камер-юнкер Екатерины и делает, благодаря своему обаянию и деловитости, быструю карьеру: его назначают управлять имениями царицы, он становится обер-камергером двора. Этот молодой человек, по словам датского посланника Вестфалена, «принадлежал к самым красивым и изящным людям, когда-либо виденным мною», он и стал любовником Екатерины.

Поначалу, когда осенью 1724 года Петру принесли донос о злоупотреблениях и взятках Монса по службе, он еще ничего не подозревал. Но изъяты при аресте камергера бумаги раскрыли ему глаза: среди пошлых стишков самого Монса и любовных записочек от разных дам Петр увидел десятки подобострастных, униженных писем первейших сановников империи: всесильного Александра Меншикова, кристально честного генерал-прокурора Павла Ягужинского, канцлера Гавриила Головкина. Просила о помощи у Монса даже вдовствующая царица Прасковья Федоровна. Все они называли Монса «благодетелем», «патроном», «любезным другом и братом» и дарили ему бесчисленные дорогие подарки, делали подношения деньгами, вещами, даже деревнями! Только дурак не смог бы догадаться, в чем секрет столь могущественного влияния обер-камергера императрицы – наследницы российского престола. У Петра внезапно с глаз спала пелена: оказывается, все знали о связи его жены с Монсом, унижались за его спиной перед временщиком и молчали – значит, ждали его, царя, смерти!

9 ноября арестованный Монс был приведен к следователю в Зимний дворец. Им был сам Петр – это дело он не мог доверить никому. Глянув царю в глаза, Виллим Монс упал в обморок. Этот статный красавец, участник Полтавского сражения 1709 года, генерал-адъютант царя не был человеком робкого десятка. Вероятно, в тот момент он прочел в глазах Петра свой смертный приговор. Легкомысленный и романтичный, неутомимый и искусный ловелас, он упражнялся в куртуазной поэзии. В одном из его стихов мы читаем признание-пророчество:

Моя гибель мне известна.
Я дерзнул полюбить ту,
Которую должен был только уважать.
Я пылаю к ней страстью...

Не прошло и нескольких дней после допроса, как Монс погиб на позорном эшафоте на Троицкой площади по приговору суда, обвинившего бывшего камергера во взятках и прочих должностных преступлениях. Обычно такие дела тянулись месяцами и годами. Все знали, в чем сокрыта тайна столь скорого решения дела Монса: царь так мстил Монсу, Екатерине, своей несчастной судьбе. Столица, помня кровавое дело царевича Алексея 1718 года, втянувшее в свою орбиту десятки людей, вновь оцепенела от страха.

Но Петр не решился развязать террор. Жестким наказаниям подверглись лишь ближайšie сподвижники жены – те, кто носил записочки, охранял покой любовников: статс-дама Балк, шут Иван Балакирев, камер-паж Соловов, секретарь Монса Егор Столетов. Топор палача как будто просвистел над головой Екатерины, однако не задел ее... Некоторые современники этих событий сообщают, что Петр устраивал Екатерине шумные сцены ревности, бил венецианские зеркала. Другие, напротив, видели царя в эти страшные дни на чьем-то юбилее веселым и спокойным, по крайней мере внешне. Известно, что Петр, часто несдержанный, импульсивный, умел в час испытаний собрать всю свою волю и держать себя в руках.

Мы никогда не узнаем, о чем думали супруги, когда уже много дней спустя после смерти Монса, возвращаясь из гостей через Троицкую площадь, ехали мимо эшафота, где на колесе

лежало тело казненного преступника. Нельзя сказать, что Екатерина оказалась в опале. Как и раньше, она появляется на людях с мужем, но иностранные дипломаты замечают, что императрица уже не так весела, как прежде. Вся история с Монсом волей-неволей заставляет нас заново посмотреть на личность Екатерины. Кристальная ясность и простота ее образа в нашем сознании исчезают. Конечно, роман с Монсом можно воспринять как обычную интрижку, но почему молодой любовник стал пользоваться таким огромным влиянием при дворе и где ее, Екатерины, ум и знание Петра – ведь последствия такого романа не могли не быть драматичны для императрицы, наследницы престола? Ушла любовь, осталась привычка, облеченная в приличие.

Возможно еще одно объяснение поступка Екатерины. Что, если она никогда не была слепой почитательницей своего великого мужа-благодетеля и никогда не любила его? Когда-то в ранней молодости против своей воли она, лифляндская пленница, переходя из рук в руки, попала в его объятия и в его постель. Здесь, как и в других местах и с другими мужчинами, она безропотно подчинилась чужой воле и стала жить, исполняя с готовностью все, что от нее требовалось. Со временем Екатерина прилепилась к царю – источнику ее благополучия, глубоко вошла в предназначенную ей судьбой роль доброй, заботливой супруги-«коровы», с готовностью и даже с удовольствием подыгрывала прихотям своего хозяина и повелителя. Но при этом она, как и миллионы подданных русского самодержца, оставалась рабыней, чей удел был всегда один – послушание и беспрекословное повиновение. А что на сердце рабыни, взбивающей подушки на ложе повелителя, – знает только Бог.

Трудно пройти и мимо объекта привязанностей Екатерины. Тот, ради которого она так рисковала (если судить по его архиву), был недалеким, пустым, самовлюбленным хлыщом. Да и о себе нужно было подумать – ведь Екатерина знала Петра и видела не раз, как он переступал через жизнь любого человека, если речь шла о благе России. Но в ощущении рядом опасности часто и состоит для любовников особая острота любви...

А что Петр? Он был уязвлен и обеспокоен, в те ноябрьские дни после истории с Монсом великий император думал о судьбе трона, реформ. Можно наверняка сказать, что мысли были нерадостны. Измены преследовали его всю жизнь. Ему изменяли как раз те люди, кому он больше всего доверял, кого он искренне любил или уважал: сначала была Анхен; потом коронованный «брат любезнейший» польский король Август II подписал в 1706 году втайне от Петра сепаратный мир с их общим врагом Карлом XII; гетман Иван Степанович Мазепа в самый ответственный момент Северной войны, в 1708 году, переметнулся на сторону шведов, изменил ему; другой близкий Петру человек по прозвищу Дедушка – Александр Кикин – за спиной царя интриговал в пользу царевича Алексея. Наконец, в ряду их оказалась та, которой он доверял больше всех на свете, – Екатерина. Потворствуя, молчали ближайшие сподвижники: Меншиков, Головкин, генерал-прокурор – «око государево» – Ягужинский. Все они тоже косвенно изменники: каждый думал не о благе государства, не о «должности», а о своей шкуре. А кто же будет думать о России? Кампредон писал во Францию, что царь стал подозрителен, он «сильно взволнован тем, что среди его домашних и слуг есть изменники. Поговаривают о полной немилости князя Меншикова и генерал-майора Мамонова, которому царь доверял почти безусловно. Говорят также о царском секретаре Макарове, да и царица тоже побаивается. Ее отношения к Монсу были известны всем, и хотя государыня всеми силами старается скрыть огорчение, но оно все же ясно видно на лице и в обхождении ее. Все общество напряженно ждет, что с ней будет».

Дело с изменой Екатерины было серьезнее других. И суть его – не в супружеской неверности, хотя у нас нет сомнений, что «старика» больно ударило то, что ему предпочли молодого красивого щеголя. Мораль того времени многое позволяла и мужчине, и женщине света. Однако требования морали делались жестокими, когда шла речь не просто о светской даме, а о матери возможных наследников престола, супруге императора. В этом случае супружеская

неверность жены становилась преступлением перед династией, престолом, государством. Но в данном случае Петра наверняка волновало другое – он, думая о будущем, возможно, ощущал свое беспредельное одиночество, глубокое равнодушие окружающих к тому ДЕЛУ, которому он посвятил жизнь и которое теперь может пойти прахом: кто после его смерти будет править страной – Екатерина или очередной проходимец, прыгнувший в ее постель? Разве не так было со старшей сестрой царя, правительницей Софьей – любовницей то ли князя Василия Голицына, то ли Федора Шакловитого? Но вряд ли он в этот момент мог себе представить, какую бесконечную непристойную вереницу «ночных императоров» открывал бедный Виллим Монс – деспотия и фаворитизм всегда неразлучны в истории. К этому времени Петр был тяжело болен, но терпел боль, напряженно думал о том, что же ему делать. И он, казалось, нашел выход... Но в который раз судьба смешала карты – ночью 28 января 1725 года он умер в мучениях физических и душевных...

А она в ту же ночь, поддержанная Меншиковым и другими «птенцами гнезда Петрова», которые окружили Зимний дворец верными им войсками и на корню подавили сторонников возведения на престол десятилетнего сына царевича Алексея великого князя Петра, стала императрицей. Те два года, которые отпустила ей жизнь, Екатерина провела как истинная вакханка: пиры, праздники, прогулки, новый молодой любовник. Иностранные дипломаты, зорко наблюдавшие за переменами при русском дворе, единодушны в своих оценках: после смерти Петра Екатерина будто стала другим человеком. Следа не осталось от скромной, домовитой хозяйки петровского дома на берегу Невы. Все время препровождение Екатерины заключалось в откровенном прожигании жизни, которую она превратила в постоянный праздник. Балы на открытом воздухе сменялись танцами в залах дворцов, обильные застолья шли на смену веселым пикникам за городом, а путешествия в лодках по Неве сочетались с ездой по улицам Петербурга.

Кампредон замечал уже весной 1725 года, что траур по царю соблюдается формально. Екатерина частенько бывает в Петропавловском соборе, у гроба супруга, плачет, но вскоре пускается в кутежи. «Развлечения эти заключаются в почти ежедневных, продолжающихся всю ночь и добрую часть дня попойках в саду, с лицами, которые по обязанности службы должны всегда находиться при дворе», – добавляет в своем донесении в Версаль французский дипломат. Естественно, что вкусы императрицы были не очень высокого свойства. Из петровских уроков она лучше всего усвоила его довольно вульгарные развлечения. Известно, что у Петра был своеобразный клуб пьяниц – Всепьянейший собор, – все ритуалы которого строились на воспевании бога вина и винопития Бахуса и его верных жрецов, среди которых был и сам император. Меры в частых попойках Всепьянейшего собора не было никакой. Екатерина полностью восприняла эту традицию, устраивая настоящие оргии в Летнем саду.

Надолго в Петербурге запомнили и развлечения Екатерины в ночь на 1 апреля 1726 года, когда было приказано по всему Петербургу ударить в набат. Как только перепуганные полуодетые петербуржцы выскочили на улицу, они узнали, что таким образом их поздравляют с Днем смеха. Что они говорили о своей повелительнице, мы не знаем, но догадаться можем. Впрочем, безобразные попойки были тайной для большинства подданных. По праздникам Екатерина предстала перед ними во всем блеске и красоте. «Она была, – пишет французский дипломат, видевший императрицу на праздник Водосвятия, – в амазонке из серебряной ткани, а юбка ее обшита золотым испанским кружевом, на шляпе ее развевалось белое перо». Она ехала в роскошном золотом экипаже в окружении блестящей свиты мимо толп зевак. «Виват!» – кричали стоявшие на площади полки, стреляли пушки, перед ней склонялись до земли знамена и головы... Могущество, слава, восторг подданных – все, о чем могла мечтать в низкой лифляндской поварне Золушка, – все исполнилось, все сбылось! Но нет! Иногда императрица, насладившись славой, спускалась в дворцовую кухню и, как вежливо записано в том же журнале,

«стряпала на кухне сама». Прав был Петр, любивший часто повторять пословицу: «Привычка – вторая натура».

В начале 1726 года императорский двор гудел от сплетен и пересудов – неожиданно началось «нашествие» родственников императрицы из Лифляндии. Об их существовании знали давно. Еще в 1721 году в Риге к Петру и Екатерине, смущая придворных и охрану своим деревенским видом, пожаловала крепостная крестьянка Кристина Скавронская, которая утверждала, что она родная сестра царицы. Так это и было на самом деле. Екатерина поговорила с ней, наградила деньгами и отправила домой. Тогда же царь Петр распорядился отыскать и других родственников жены, разбросанных по стране войной. Всех их было приказано держать под присмотром и запретить им афишировать родство с императрицей. В этом смысле демократичный в обращении Петр знал меру, и те милости и блага, которыми он осыпал саму Екатерину, он не собирался распространять на ее босоногую семью. Крестьянские родственники Екатерины могли нанести ущерб престижу династии, бросить тень на их детей.

Екатерина, придя к власти, долго не вспоминала о своей родне, но те сами напомнили о себе – вероятно, они решили действовать, когда до них докатилась весть о вступлении Екатерины на престол. Рижский губернатор князь Репнин сообщил в Петербург, что к нему пришла крестьянка Кристина Скавронская и жаловалась на притеснения, которыми подвергал ее помещик. Кристина сказала, что она сестра императрицы. Екатерина была поначалу явно смущена. Она распорядилась содержать сестру и ее семейство «в скромном месте и дать им достаточное пропитание и одежду», а от помещика взять под вымышленным предлогом и «приставить к ним доверенного человека, который мог бы их удерживать от пустых рассказов», надо полагать – о трогательном босоногом детстве нашей героини.

Однако через полгода родственные чувства пересилили все остальные, и семейство Скавронских доставили в Петербург, точнее, в пригородный дворец – в Царское Село, подальше от любопытных глаз злопыхателей. Можно себе представить, что творилось в скромном тогда Царскосельском дворце Екатерины! Родственников было очень много. Кроме старшего брата Самуила прибыл средний брат Карл с тремя сыновьями и тремя дочерьми, сестра Кристина с мужем и четырьмя детьми, сестра Анна, также с мужем и двумя дочерьми, – итого не меньше двух десятков нахлебников. Оторванные от вил и подойников, деревенские родственники императрицы еще долго отмывались, учились приседать, кланяться, носить светскую одежду. Разумеется, научить их русскому языку было некогда, да это было и неважно – все они в начале 1727 года получили графский титул, а также большие поместья и стали сами богатыми помещиками – графами Скавронскими и Гендриховыми. Правда, сведений об особой близости семейства с императрицей что-то не встречается.

Зато такая близость у императрицы возникла с камергером графом Рейнгольдом Густавом Левенвольде, ловким симпатичным человеком, чем-то напоминавшим покойного Виллима Монса. Наступили другие времена, прятать свои увлечения не было необходимости, и Екатерина ни днем, ни ночью не отпускала от себя молодого любовника. Но и он порой был не в силах выдержать бешеный ритм жизни двора. Французский дипломат Маньян сообщал, что Меншиков и Бассевич навестили нежного друга императрицы, который «утомился от бесконечных пиршеств». Бедный граф, как он, видно, страдал и как ему сочувствовал генерал-фельдмаршал!

Впрочем, для Меншикова – опытного царедворца – стало ясно, что такой образ жизни императрицы к хорошему не приведет. Об этом упрямо говорили факты: то было известно, что императрица «в отличном настроении, ест и пьет, как всегда, и, по обыкновению, ложится не ранее 4–5 часов утра», то вдруг празднества и кутежи резко обрывались, Екатерина не вставала с постели. Ее стали одолевать болезни. Она уже не могла, как раньше, отплясывать всю ночь напролет – пухли ноги, мучили удушья. Частые приступы лихорадки не позволяли выходить из дому. Но, преодолевая себя, она все же выходила из спальни, ехала, плясала, пила, чтобы

потом снова слечь в постель. Как будто чувствуя близкий конец, Екатерина уже не дорожила жизнью, здоровьем, решила пустить по ветру все, что у нее осталось.

В начале 1727 года Меншиков напряженно размышлял не столько о здоровье императрицы-вахханки, сколько о своем завтрашнем дне. Что будет с ним, если после смерти Екатерины на престол вступит сын казненного царевича Алексея великий князь Петр Алексеевич, дорогу которому к престолу в феврале 1725 года, сразу после смерти Петра Великого, преградил именно он, Меншиков? Князю стало ясно, что не нужно бороться с судьбой – пусть Петр II будет на престоле деда. Но нужно сделать так, чтобы он попал туда при содействии Меншикова, будучи уже его зятем или, по крайней мере, женихом одной из его дочерей.

У князя Меншикова было две дочери, Александра и Мария. Младшая, Мария, была помолвлена с польским аристократом Петром Сапегой, юношей изящным и красивым. Между молодыми людьми завязалась нежная дружба. Но императрица Екатерина как-то высмотрела в толпе придворных миловидного Сапегу и благосклонно ему кивнула. Этого было достаточно, чтобы Меншиков вступил в торг со своей старинной подругой: в обмен на свободу помолвленного с Марией Сапеге он просил дать дочери замену – разрешить помолвить ее с двенадцатилетним великим князем Петром. Именно о такой мене и писал осведомленный датский посланник Вестфален: «Государыня прямо отняла Сапегу у князя и сделала его своим фаворитом. Это дало Меншикову право заговорить с государыней о другой приличной паре для своей дочери – с молодым царевичем. Царица была во многом обязана Меншикову – он был старым другом ее сердца. Это он представил ее – простую служанку – Петру, затем немало содействовал решению государя признать ее супругой». Нет, не могла Марта отказать Алексашке!

Хитрый план Меншикова очень не понравился ветеранам событий ночи 28 января 1725 года. Светлейший князь, добиваясь брака своей дочери с Петром, которого он одновременно делал и наследником престола, бросал на произвол судьбы тех, кто в 1725 году помог ему возвести на престол Екатерину. Особенно обеспокоился Петр Толстой. В руках начальника Тайной канцелярии были многие потайные нити власти, и вот одна из них задергалась и натянулась – Толстой почувствовал опасность: приход к власти Петра II означал бы конец для него, неумолимого следователя, палача, а точнее, убийцы отца будущего императора Петра II – царевича Алексея. Тревожились за свое будущее и другие сановники – генерал Иван Бутурлин, приведший в ночь смерти Петра ко дворцу гвардейцев, генерал-полицмейстер Антон Девьер и другие. Они ясно видели, что Меншиков перебегает в другую, враждебный им, лагерь сторонников великого князя Петра и тем самым предает их.

И Толстой, и дочери Екатерины Анна и Елизавета умоляли императрицу не слушать Меншикова, оформить завещание в пользу Елизаветы, но императрица, увлеченная Сапегой, была непреклонна. Да и сам Меншиков не сидел сложа руки. Он действовал, и притом очень решительно: Толстой, Девьер, Бутурлин и другие недовольные его поступками были арестованы, обвинены в заговоре против императрицы. Меншиков отчаянно спешил: «заговорщики» были допрошены 26 апреля 1727 года, а уже 6 мая Меншиков доложил Екатерине об успешном раскрытии «заговора». Она по его требованию подписала указ о ссылке Толстого и других. Это происходило всего за несколько часов до смерти Екатерины. Меншиков торжествовал победу. Но тогда, в мае 1727 года, он не знал, что это была пиррова победа: пройдет всего лишь четыре месяца, и возведенный на престол его же усилиями император Петр II отправит бывшего светлейшего князя и генералиссимуса в ссылку. Судьба Толстого станет его, Меншикова, судьбой: оба они умрут в один год – 1729-й: Толстой – в каземате Соловецкого монастыря, на холодных островах северного Белого моря, а Меншиков – в глухом сибирском углу, городке Березове.

«Государыня до того ослабла и так изменилась, что ее почти нельзя узнать», – писал в середине апреля 1727 года французский резидент Маньян. Всех поразило, что она не пришла даже в церковь в первый день Пасхи, и не было пиршества в день ее рождения. Это было совсем не похоже на нрав нашей вахханки. Дела ее были плохи. Меншиков не выходил из

дворца. Расправляясь со своими прежними друзьями, он заботился о том, чтобы было готово вовремя завещание царицы, согласно которому наследником престола становился будущий зять Меншикова – великий князь Петр.

Нам не известно, чем болела Екатерина, – скорее всего, у нее была скоротечная чахотка. Приступы удушьящего кашля, полного бессилия сменялись всплеском лихорадочной активности, беспричинного веселья. Сорокатрехлетняя ранее здоровая женщина не верила в приближение конца. Ее утомляла поднятая вокруг ее завещания суэта, она всех отсылала к Меншикову и не глядя подписывала все бумаги, которые он ей подавал. Незадолго до смерти она вздумала прокатиться по улицам Петербурга, на которых царил еще холодная, но солнечная весна, но вскоре повернула назад – не было сил даже ехать в карете.

Есть выразительная легенда о конце Екатерины. Незадолго до смерти она рассказала сон, который ей запомнился. Она сидит за пиршественным столом в окружении придворных. Вдруг появляется тень Петра. Он манит своего «друга сердечного» за собой, они улетают, как будто в облака. Екатерина бросает последний взгляд на землю и отчетливо видит своих дочерей, окруженных шумной, враждебной толпой. Но уже ничего не поправишь. Надежда только на верного Меншикова – он не оставит их в беде...

6 мая 1727 года в девять часов вечера Екатерина умерла. Волшебная сказка о лифляндской Золушке печально оборвалась.

Царица Евдокия Федоровна: необыкновенная живость глаз

Иностранец, побывавший летом 1725 года в Шлиссельбургской крепости, пишет, что возле одного из домов внутри крепости он увидел статную высокую женщину, которая, заметив иностранцев, вдруг стала махать им руками. Выскочившие из дома люди тотчас увели ее внутрь. Путешественнику позже сказали, что это была бывшая русская царица Евдокия Федоровна...

История Евдокии Лопухиной достойна пера талантливого драматурга – настолько она драматична. В 1689 году, когда царю Петру I едва исполнилось семнадцать лет, его мать, царица Наталья Кирилловна, «оженила» юношу на двадцатилетней девице Евдокии Федоровне Лопухиной. Этим браком клан Нарышкиных, отодвинутый от власти в результате переворота 1682

года, пытался укрепить свое положение. Тогдашняя правительница царевна Софья Алексеевна и ее окружение из клана Мирославских стремились закрепить свое превосходство благодаря женитьбе старшего брата и соправителя Петра – царя Ивана Алексеевича. В случае рождения сына в семье царя Ивана проблема наследования престола для Петра резко бы усложнялась.

И вот, как только Нарышкины узнали о намерении Софьи женить Ивана на Прасковье Салтыковой, последовал ответный династический ход – они срочно нашли Петру невесту. Словом, с самого начала совместной жизни молодожены оказались игрушками в руках придворных интриганов. Их чувствами, естественно, никто не интересовался.

Вместе Петр и Дуня прожили почти десять лет. Царица Евдокия родила Петру трех сыновей, из которых выжил, на свое несчастье, только царевич Алексей. Но жизнь супругов не была счастливой. Дуня была явно не пара Петру, они существовали как будто в разное время, в разных веках: Петр жил и чувствовал себя в европейском XVIII веке, с его свободой, открытостью, прагматизмом; а Дуня, воспитанная в традициях старомосковской патриархальной православной семьи, оставалась в русском XVII веке, требовавшем от женщины следования обычаям терема, предписаниям Домостроя... В семейной драме Петра и Евдокии как в капле воды отразился общественный разлом, серьезный социальный и нравственный конфликт – неизбежное следствие радикальных преобразований, революций. Этот разлом прошел через все общество России, через души людей, внося в них смуту, тревогу, опасение за завтрашний день. Не миновал он и семью царя. Так получилось, что жизненные ценности Дуни трагически не совпали с изменившимися ценностями ее мужа.

Да и характерами супруги не сошлись. Порывистость, бесцеремонность, эгоизм Петра сталкивались с упрямством и недовольством Дуни, особы самолюбивой и строптивой. Петр все чаще уезжал из дворца на верфи, воинские учения, отправлялся в дальние путешествия, а Дуня, не желавшая менять свой, устоявшийся годами, привычный стиль жизни русской царицы, сидела, поджидая мужа, в Москве. Пропасть между супругами с годами углублялась. Петру, с его интересами и вкусами, была нужна для счастья другая женщина: одетая по новой моде, веселая и ловкая партнерша в танцах, отважная спутница в тяжелых походах, помощница в непрерывных трудах. На такую роль Дуня не подходила, да она и не хотела испытывать себя в таком качестве. Зато в Немецкой слободе ей нашлась замена: дочь немца-винооторговца Анна Монс стала любовницей Петра.

Развязка наступила в 1698 году. Возвращаясь из путешествия по Европе с Великим посольством, царь указал отослать Дуню в монастырь, да побыстрее, чтобы к его приезду и духа опостылевшей супруги в Москве не было. Тяжелую миссию поручили патриарху и нескольким сподвижникам Петра. Царь разгневался, когда по приезду в Москву узнал, что Дуня все еще живет в царском дворце. Четыре часа он сам уговаривал жену постричься в монахини – единственная удобная ему, самодержцу, форма развода, – но, видно, не преуспел в этом: упрямая Дуня в монастырь идти ни за что не хотела. С огромным трудом, силой царицу вывезли в Суздаль и поместили в женский Покровский монастырь. Двадцатидевятилетняя полная сил женщина отчаянно сопротивлялась, она не хотела, чтобы ее заживо замуровали в склепе монастырской кельи, ей хотелось жить. В те времена подобная участь ждала множество отвергнутых жен, которым не было на свете другого места, кроме монастыря, и другой судьбы, кроме забвения.

Удивительно, что история любит драматические повторения. В тот же самый монастырь за 173 года до нашей истории, в 1525 году, также силком привезли опостылевшую жену, великую княгиню Соломонию, супругу Василия III. Она, прежде любимая жена, отчаянно не хотела идти в монастырь. На ее стороне была Церковь, традиция. Однако Василий был неумолим: Соломония бесплодна, а ему, великому князю, нужен наследник. Иначе говоря, Василий решил жениться во второй раз, и Соломония этому мешала, почему ее и решили постричь насильно. Когда 28 ноября 1525 года над Соломонией совершали обряд пострижения, она так в гневе и

отчаянии билась в руках монашек, кричала, бросала на землю и топтала монашеский куколь, что ближайший боярин Василия III Иван Шигоня-Поджогин, присматривавший за процедурой пострижения, ударил Соломонию, ставшую старицей Софией, езжалой плетью. Ей стало ясно – она больше не великая княгиня.

Народ, всегда чуткий к драмам в царской семье, сложил песню:

Уж что это у нас в Москве приуныло,
Заунывно в большой колокол звонили?
Уж как царь на царицу прогневался,
Он ссылает царицу с очей дале,
Как в тот ли во город во Суздаль,
Как в тот ли монастырь во Покровский...

А Василий III женился на юной Елене Глинской, родившей ему мальчика, ставшего позже чудовищем русской истории – Иваном Грозным. Через какое-то время после пострижения Соломонии по Москве стали распространяться слухи, что старица София – Соломония – родила в Покровском монастыре сына Василию III, названного ею Георгием. Василий срочно нарядил в Суздаль следствие, а Соломония, чтобы спасти ребенка, якобы отдала его кому-то на воспитание за пределы монастыря, причем распространила слух о его смерти и даже инсценировала погребение младенца... Известно также, что по воле Василия Соломония была сослана в дальний Каргополь и возвращена в Суздаль лишь тогда, когда у князя родился сын, будущий Иван Грозный (который, кстати, всей этой историей очень интересовался). Неожиданно уже в наши времена легенда о Георгии получила продолжение. В 1934 году, во время повсеместного осквернения большевиками церковных святынь, под полом собора, возле гробницы Соломонии, было вскрыто маленькое белокаменное надгробие XVI века. Внутри стояла выдолбленная колода – гробик, в котором лежал истлевший сверток тряпья без всяких признаков детского костяка. Иначе говоря, это был муляж, кукла... Следовательно, легенда имела под собой основание?

В 1610 году сюда же, в Суздаль, в тот же монастырь, привезли юную царицу Марию Петровну – жену царя-неудачника Василия Шуйского, выданного полякам и увезенного пленником в Варшаву. Царицу Марию постригли под именем старицы Елены. И вот в 1698 году здесь появилась новая старица Елена – бывшая царица Евдокия Федоровна. Но до этого каждый день два с половиной месяца подряд специальный посланник Петра приходил в келью Евдокии и уговаривал царицу принять постриг. Наконец она скрепя сердце согласилась на постриг. Впрочем, если бы она сопротивлялась, ее постригли бы насильно, как некогда Соломонию: времена изменились, а нравы – нет. Вот описание насильственного пострижения несовершеннолетней Анны – дочери Артемия Волынского, бывшего кабинет-министра Анны Иоанновны, казненного летом 1740 года. Происходило это в Иркутске, в девичьем монастыре: «Явился в церкви Знаменского монастыря архимандрит... Корнилий. За ним ввели в церковь под конвоем юную отроковицу в сопровождении фурьера и неизвестной пожилой, по-видимому, вдовы... Архимандрит приступил к обряду пострижения девушки. На обычные вопросы об отречении от мира постригаемая оставалась безмолвной, но вопросы по чиноположению следовали один за другим, так и видно было, что в ответах не настояло необходимости. Безмолвную одели в иноческую мантию, покрыли куколем, переименовали из Анны в Анисию, дали в руки четки, и обряд пострижения был окончен. Фурьер вручил постригавшему письменное удостоверение, что был очевидцем пострижения в монашество девицы Анны... и тут же сдал юную печальную инокиню игуменье под строжайший надсмотр и на вечное безысходное в монастыре заключение». Не стоит и говорить, что эта процедура, которой бы Евдокии не миновать, была грубейшим нарушением всех церковных канонов.

Судьба отвергнутой царицы, как и прежде, волновала людей, и в народе сложилась песня, за которую певцам резали на эшафоте языки:

Возле милого сижу млада,
Меня милый друг журит, бранит,
Он журит, бранит,
В монастырь идти велит...

Кончается песня ответом молодой монахини на вопрос любопытствующих путешественников о том, как очутилась здесь, в монастырской келье, такая молодая красавица:

Я пострижена самим царем,
Я посхимлена Петром Первым,
Через его змею лютую.

Все понимали, что «змея лютая» – счастливая соперница из Немецкой слободы Анна Монс... Впрочем, ей тоже не повезло. Но это уже другая история... Шли годы, о Дуне – старице Елене – стали забывать, для многих она как будто перестала существовать...

Но тут наш сюжет делает неожиданный поворот. Оказалось, что, несмотря ни на что, Дуня не примирилась со своей злой судьбой. Как только люди Петра уехали из монастыря, она тотчас сбросила монастырские одежды и стала жить как человек светский, как паломница, которых много бывало в тогдашних монастырях: замаливать грехи никогда не поздно, и лучше это делать в освященных местах, святых монастырях.

Монастырские власти всё это видели и даже сами покровительствовали прихотям старицы Елены, привыкшей к роскошной жизни царицы «в Верху» – так называли в те времена Кремлевский дворец, обиталище царей. И все это неслучайно: каждый помнил, что перед ним не просто бывшая царица, а мать наследника престола, будущего царя Алексея Петровича. Но оказалось, что Евдокия пошла дальше: она не примирилась со своей убогой судьбой, ее душа и тело жаждали любви...

И однажды к старице Елене пришла большая любовь, может быть, первая и последняя в ее жизни... В 1710 году у нее начался бурный и короткий роман с майором Степаном Глебовым, приехавшим в Суздаль по рекрутским делам. Перехваченные позже властями письма Дуни к любовнику говорят о ней как о женщине темпераментной, пылкой, живой и чувственной – столько в них кипящей страсти и тоски: «...Забыл ты меня так скоро. Не угодила тебе ничем. Мало, видно, твое лицо, и руки твои, и все члены твои, и суставы рук и ног твоих политы моими слезами... Свет мой, душа моя, радость моя! Видно, приходит злопроклятый час моего расставания с тобой. Лучше бы душа моя с телом рассталась! Ох, свет мой! Как мне на свете жить без тебя? Как быть живой? И только Бог знает, как ты мне мил. Носи, сердце мое, мой перстень, меня люби, я такой же себе сделаю... я тебя не брошу до смерти». Еще одна выразительная цитата – некий сгусток тоски и плача по исчезающему счастью любви: «Знать ты, друг мой, сам этого пожелал, что тебе здесь не быть. И давно уже мне твоя любовь, знать, изменила... Для чего, батька мой, не ходишь ко мне? Что тебе сделалось? Кто тебе на меня намутил? Что ты не ходишь, не дал мне свою персону насмотреться? То ли твоя любовь ко мне, что ты ко мне не ходишь? Уже, свет мой, не к кому будет прийти. Или тебе даром, друг мой, я? Знать, я тебе даром, а я же тебя до смерти не покину, никогда ты из меня, разума моего, не выдешь. Ты, друг мой, меня не забудешь ли, а я тебя ни на час не забуду. Как мне с тобою будет расставаться? Ох, коли ты едешь, коли меня, батька мой, ты покинешь, ох, друг мой, ох, свет мой, любонька моя!»

Кроме столь яркого, скажем даже, современного выражения чувств, которыми обладала эта женщина, лишенная нормальной жизни, любви, можно поражаться также бесстрашию любовников, живших в железный век Петра. Какова картина: отважный майор пробирается ночью в келью монахини и наслаждается любовью пусть бывшей, но все-таки царицы, матери наследника русского престола! Многим подданным такое бы и в голову не пришло (если, конечно, голова дорога), но, видно, майор Глебов был ловелас подлинный. Впрочем, достигнув желаемого, он, как истинный ловелас – что и видно из письма к нему бывшей царицы Евдокии, – быстро охладел к монашке и уехал из Суздаля, так сказать, навстречу новым приключениям и победам.

А что же Дуня? В ее письмах видно глубокое чувство да еще некое бесстрашие – писать на бумаге такое не каждая решится! А она решилась, не боясь никакой кары, веря, что ее сын, царевич Алексей, скоро будет на троне и тогда наступит ее день, а пока все будут молчать...

Но день этот так никогда и не наступил... В 1718 году началось знаменитое дело царевича Алексея, к которому были привлечены десятки людей. Частью этого дела стал и так называемый суздальский розыск. Установить преступную связь царевича и его людей с его матерью и ее окружением – вот что было главной целью розыска. Тут-то и всплыло имя Степана Глебова. При расследовании нашлись письма царицы Евдокии к возлюбленному, Петр разъярился – и оба бывших любовника, старица Елена и Глебов, оказались в застенке. Глебов признался в близости с бывшей царицей, но удивительно, что он категорически отказался показаться в своем страшном преступлении, не стал просить прощения у государя даже тогда, когда на очной ставке в застенке его любовница подписала покаянную записку – один из уникальных документов русской истории: «Февраля в 21 день, я, бывшая царица, старица Елена... с Степаном Глебовым на очной ставке сказала, что с ним блудно жила, в то время как он был у рекрутского набору, и в том я виновата; писала своею рукою я, Елена». Зачем нужна была Петру такая расписка? Наверное, чтобы больнее ударить и страшнее оскорбить бывшую жену и своего собственного сына-наследника. О блуде Евдокии и Глебова было даже написано в манифесте, который читали с паперти всех церквей России и надолго запомнили в народе...

Следствие же шло своим чередом. Чтобы добиться у Глебова покаяния, его пытали так, как никого не пытали даже в то суровое время: огнем, водой, каленым железом, да еще положили на доску с гвоздями – по-моему, со времен Ивана Грозного такая пытка не применялась. Но он, несмотря на чудовищные страдания, стоял на своем: пощады просить не буду! Глебова приговорили к посажению на кол. Казнь состоялась 15 марта 1718 года. Почти сутки Глебов маялся на колу посреди Красной площади. Чтобы он преждевременно не умер от холода, заботливые палачи надели на него полушубок... Все это время возле кола стоял священник и ждал покаяния. Но так и не дождался – Глебов умер молча... Для Петра такое гордое упорство подданного – вопреки голосу разума, ужасу перед болью – оказалось неожиданным. Ни один преступник не имел права уйти на свободу или на тот свет с высоко поднятой головой – таков вечный принцип тиранической власти. И Петр этого не забыл и не простил Глебову: в 1721 году он приказал каждый год возглашать во всех церквях анафему Степке Глебову, как ее возглашали раньше Гришке Отрепьеву, Степке Разину, Ваньке Мазепе... Какой ряд, какие страшные государственные преступники! И среди них – сожитель бывшей царицы. Какая посмертная честь!

А что же бывшая царица? Ее ждал монастырь-тюрьма в Новой Ладоге, да такой суровый, что даже охранники не выдерживали холода, умоляли начальство их оттуда «свести» – отозвать. Затем старицу Елену перевели в Шлиссельбург – тоже место, как известно, не курортное. Наконец, в январе 1725 года умер Петр Великий, но (час от часу не легче!) к власти пришла Екатерина I, и жизнь монахини Елены стала еще хуже. И вдруг весной 1727 года шлиссельбургская узница получила необыкновенно ласковое и приветливое письмо от одного из своих гонителей, фельдмаршала А.Д.Меншикова. Она этому не удивилась – ведь на престоле уже сидел Петр II, ее родной внук, сын несчастного царевича Алексея. Но царственный внук бабушку

видеть не пожелал, старушку только перевезли в Москву (между прочим, минуя Петербург) и поселили в Новодевичьем монастыре, где когда-то закончила свою жизнь царица Софья. И сразу же в монастырь, якобы на богомолье, стали наведываться знатные люди. Все они посещали старицу Елену, говорили ей приятные слова, одаривали подарками – как же, бабушка царя, государыня-царица! Дипломаты стали писать в донесениях, что, видно, роль бабушки в политике русского двора возрастет.

Да она и сама так думала. Выйдя на свободу из шлиссельбургского заточения, Евдокия темпераментно бомбардировала воспитателей императора письмами, высказывая в них свое нетерпеливое желание повидаться с внуком Петром и внучкой, сестрой Петра, великой княжной Натальей Алексеевной: «Если, Ваше Величество, в Москве вскоре быть не изволится, дабы мне повелели быть к себе, чтоб мне по горячности крови видеть Вас и сестру Вашу». Как видим, несмотря на годы и несчастья, сохранила Евдокия свою страстную натуру, неистребимую горячность крови. Однако это были пустые хлопоты: юный император, занятый охотой и развлечениями, только что освободившийся от гнета Меншикова – своего назойливого опекуна, – в объятия бабушки не спешил. Когда же двор переехал в начале 1728 года в Москву, царь все-таки встретился с бабушкой. Он явился в монастырь в компании тетки Елизаветы Петровны, с которой у него начался роман. Более бестактный поступок было трудно и придумать – явиться к бабушке с любовницей, дочкой «лифляндской прачки»!

Всем стало ясно, что время Евдокии прошло, так и не наступив. Лишь сестра императора, тихая внучка, царица Наталья Алексеевна навещала бабушку до своей внезапной смерти осенью 1728 года. В Новодевичьем монастыре Евдокия провела еще четыре года и тихо умерла в 1731 году, пережив всех своих близких: грозного мужа, сына, любовника, внука и внучку.

Жена английского резидента леди Рондо видела старицу Елену в монастыре незадолго до ее смерти и писала приятельнице об этой встрече: «Она сейчас в годах и очень полная, но сохранила следы красоты. Лицо ее выражает важность и спокойствие вместе с мягкостью при необыкновенной живости глаз».

Мы-то, прочитав ее любовные письма, хорошо понимаем, почему у Дуни были такие необыкновенно живые глаза...

Царица Прасковья Федоровна: царственная приживалка

Поздней осенью 1723 года в Санкт-Петербурге можно было наблюдать редкое зрелище: хоронили последнюю русскую царицу давно ушедшего в историю XVII века. Это были настоящие царские похороны – торжественные и долгие. Время словно остановилось: глядя на толпу неведомо откуда появившихся старых боярынь, уродов, старух, монахинь, медленно ползущих к Александро-Невскому монастырю, казалось, будто бы не было никаких петровских реформ...

Хоронили вдовствующую царицу Прасковью Федоровну. В двадцать лет ее – настоящую русскую красавицу, кровь с молоком, из знатного рода Салтыковых, статную, с длинной русой косой и здоровым румянцем во всю щеку, – выдали замуж за старшего брата и соправителя

Петра Великого восемнадцатилетнего царя Ивана Алексеевича, человека убогого и слабоумного. О нем говорили, что как-то раз на дворе загородного Коломенского дворца под Москвой его завалило в нужнике рухнувшей некстати поленницей березовых дров. И только много часов спустя русского самодержца освободили из плена – никому-то этот царь, фактически лишенный Петром власти, не был нужен...

Свадьбу Ивана и Прасковьи сыграли в 1684 году. Брак этот, как сказано выше, состоялся по воле его старшей сестры, царевны Софьи Алексеевны, которая таким образом желала окончательно перекрыть путь к власти своему сопернику – царю Петру. После свадьбы прошло девять месяцев, потом еще девять месяцев, а детей у молодоженов так и не было... Словом, Софья, свергнутая Петром в августе 1689 года, так и не дождалась вождельных племянников, которыми предполагала заткнуть династическую дыру.

Правда, к концу регентства Софьи и четырех лет «раздумья» в 1689 году Прасковья родила девочку – Марию, а затем почти залпом – еще четырех дочерей: в 1690-м – Федосью, в 1691-м – Екатерину, в 1693-м – Анну (будущую императрицу) и в 1694 году – Прасковью. Когда царь Иван в 1696 году умер, Прасковья осталась с тремя дочерьми – Екатериной, Анной и Прасковьей, ее старшие дочери Мария и Федосья умерли в младенчестве. Современники, зная немощи царя Ивана, сомневались в том, что он был истинным отцом девочек, и одни кивали в сторону немца – учителя Иоганна Христиана Дитриха Остермана, старшего брата будущего вице-канцлера Андрея Ивановича, а другие намеками указывали на стольника Юшкова, получившего в дальнейшем огромное влияние в окружении вдовствующей царицы Прасковьи. Впрочем, Остерман появился позже, когда девочки подросли, а слабоумие царя Ивана не есть свидетельство его репродуктивной немощи – как раз чаще бывает наоборот...

После смерти мужа Прасковья с дочками переселилась из Кремля в загородный дворец Измайлово. К семье старшего брата Петр относился вполне дружелюбно и спокойно – Прасковья и девочки не были ему соперниками, дорога его реформ прошла в стороне от дворца царицы Прасковьи, до которого лишь доходили слухи о грандиозном перевороте в жизни России. Царь не чурался общества своей невестки, хотя и считал ее двор «госпиталем уродов, ханжей и пустосвятов», имея в виду многочисленную придворную челядь царицы.

Измайловский двор оставался островком старины в новой России: сотни стольников, штат царицыной и царевнинных комнат, десятки слуг, мамок, нянек, приживалок были готовы исполнить любое желание Прасковьи и ее дочерей. Вообще Измайлово было райским, тихим уголком, где как бы остановилось время. Теперь, идя по пустырю, где некогда стоял деревянный, точнее, «брусняной с теремами» дворец, который напомнил бы современному человеку декорации Натальи Гончаровой к опере «Золотой петушок» Римского-Корсакова, с трудом можно представить себе, как текла здесь жизнь. Вокруг дворца, опоясывая его неровным, но сплошным кольцом, тянулись двадцать прудов: Просяной, Лебедевский, Серебрянский, Пиявочный и другие. По их берегам цвели фруктовые сады – вишневые, грушевые, яблоневые. В Измайлово было устроено своеобразное опытное дворцовое хозяйство. Тут были оранжереи с тропическими растениями, цветники с заморскими «тулпанами», большой птичник и зверинец, тутовый сад и виноградник, который даже плодоносил. Во дворце – маленький театр, и там впервые ставили пьесы, играл оркестр и, как пишет иностранный путешественник И. Корб, побывавший в Измайлово в самом конце XVII века, нежные мелодии флейт и труб «соединялись с тихим шелестом ветра, который медленно стекал с вершин деревьев». Есть старинное русское слово – «прохлада». По Владимиру Далю, это «умеренная или приятная теплота, когда ни жарко, ни холодно, летний холодок, тень и ветерок». Но есть и обобщенное, исторически сложившееся понятие «прохлады» как привольной, безоблачной жизни – в тишине, добре и покое. Именно в такой прохладе и жила долгое время, пока не выросли девочки, Прасковья Федоровна.

В тогдашнем неустойчивом мире царица сумела найти свое место, ту нишу, в которой ей удавалось выжить, не конфликтуя с новыми порядками, но и не следуя им буквально, как того требовал от других своих подданных Петр. Причина заключалась не только в почетном статусе вдовствующей царицы, но и в тех осторожности, политическом такте, которые всегда проявляла Прасковья. Она держалась вдали от политических распрей той эпохи. Ее имя не попало ни в дело царевны Софьи и стрельцов в 1698 году, ни в дело царевича Алексея и царицы Евдокии – старицы Елены – в 1718 году. Это показательно, ибо Петр, проводя политический розыск, не щадил никого, в том числе и членов царской семьи. Может быть, отстраненность вдовствующей царицы объясняется ее особой приземленностью, отсутствием всяческих амбиций. Прямо скажем: Прасковья была необразованной и не особенно умной, но достаточно хитрой, с развитым холопским чувством угождать сильному.

Блаженная жизнь в Измайлове продолжалась до 1708 года, когда Петр вызвал невестку в свой Санкт-Петербург, вначале на время, а потом велел ей там поселиться навсегда вместе с дочерьми. Здесь царица и царевны увидели широкую, серую и неприветливую Неву, которая быстро несла к морю свои воды. Она была так не похожа на светлые, теплые речки Подмосковья... Но делать нечего – с царем не поспоришь! Прасковью поселили во дворце, что стоял на Московской стороне, ближе к современному Смольному. И хотя эти места были повыше и посуше, нежели болотистая Городская (Петербургская) сторона или Васильевский остров, привыкнуть к новому, «регулярному», построенному по строгим архитектурным канонам дворцу московским дамам было трудно. Туманы, сырость и слякоть, пронизывающий ветер новой столицы – все это так отличалось от родного Измайлова.

Переезд в Петербург для Прасковьи Федоровны совпал с тем тревожным для каждой матери подростки дочерей временем, когда решается их женская судьба. Между тем Петр решил в корне поменять старую династическую политику, которая строилась на изоляции России, когда сознание исключительности веры не позволяло связывать Романовых с другими правящими династиями. Петр начал выдавать женщин семьи Романовых за иностранных принцев. В 1710 году он поставил первый эксперимент: предписал Прасковье Федоровне выдать одну из ее дочерей за курлядского герцога Фридриха Вильгельма. Царица не возражала, хотя жених ей не нравился. Но она схитрила: оставив при себе любимую старшую дочь Екатерину, отдала на заклятие среднюю дочь Анну, которую не очень жаловала. Судьба Анны не сложилась, почти сразу же после свадьбы юная герцогиня овдовела, но, исполняя волю Петра, отправилась в Митаву и там долгие годы сидела в жалкой роли безвластной правительницы. Всеми делами ее ведал русский посланник в Курляндии Петр Бестужев-Рюмин, который заодно сожительствовал с Анной. Это вызывало безмерный гнев царицы Прасковьи, которая, судя по письмам, буквально тиранила дочь, была к ней сурова, беспощадна, годами отказывая ей даже в традиционном материнском благословении. При этом она пыталась следить за каждым шагом Анны в Митаве, стремилась выжить оттуда Бестужева, которого страстно ненавидела, просила царя посадить возле дочери человека из ее, царицы, окружения. Не раз старая царица рвалась сама поехать в Курляндию, чтобы навести угодный ей порядок при дворе дочери-герцогини. Упрямство и скрытность Анны, приписываемые ей разнообразные грехи и прегрешения – все это вызывало раздражение Прасковьи, которая то прерывала с дочерью переписку, то требовала, чтобы Анна немедленно с повинной явилась к ней в Петербург. В 1720 году Анна сообщала царице Екатерине Алексеевне, что мать ей давно не пишет, а устно велела «со многим гневом ко мне приказывать: для чего я в Питербурх не прошусь, или для чего я матушку к себе не зову». Этому-то Анна как раз больше всего боится и в письме к Екатерине умоляет хорошо относившуюся к ней супругу Петра поучаствовать в небольшой инсценировке – обмане: «Хотя к матушке своей о том писать я стану и праситца к ним (в Петербург. – Е.А.), аднакож, матушка моя, дорогая тетушка (так Анна обращалась к Екатерине. – Е.А.), по прежнему моему прощению до времени меня здесь додержать соизволите». Анна испытывала истинный страх перед

матерью, ибо знала, что в Петербурге, во дворце царицы Прасковьи, ее ждали унижения и бесконечные придирки. Незадолго до смерти, осенью 1723 года, Прасковья написала дочери письмо, по-видимому, не очень доброе. И тогда Анна вновь прибегла к спасительному посредничеству супруги Петра, прося ее передать матери следующее: «Ежели в чем перед нею, государынею матушкою, погрешила, [то] для Вашего Величества милости, меня изволит прощать». Екатерина, по-видимому, просьбу Анны передала царице Прасковье, и та написала в Митаву: «Слышала я от моей вселюбезнейшей невестушки, государыни императрицы Екатерины Алексеевны, что ты в великом сумнении якобы под запрещением или, тако реши (по-современному: так сказать. – Е.А.), проклятием от меня пребываешь, и в том ныне не сомневайся: все для вышеупомянутой Ея Величества моей вселюбезнейшей государыни невестушки отпускаю вам и прощаю вас во всем, хотя в чем вы предо мною и погрешили». «Отпускает» дочери, как видим, да только ради «невестушки».

Зато всю свою любовь Прасковья перенесла на старшую дочь Екатерину (которую звала Катюшка-свет), держа ее при себе так долго, как это было возможно. В отличие от сестер и многих других москвичей, тосковавших на болотистых неприветливых берегах Невы по обжитой милой Москве, царевна Катюшка быстро приспособилась к стилю жизни молодого, продуваемого всеми ветрами города. Этому благоприятствовал характер царевны – девушки жизнерадостной и веселой, прямо скажем, даже до неумеренности. Ей, как, впрочем, и другим юным дамам российской столицы, новые порядки светской жизни, праздники и, конечно, моды были необычайно симпатичны и просто кружили голову.

А вообще же создается впечатление, что не очень уж подавленная Домостроем русская женщина XVII века как будто только и ждала петровских реформ, чтобы вырваться на свободу. Этот порыв был столь стремителен, что авторы «Юности честного зеркала» – кодекса поведения молодежи, опубликованного в 1717 году, – были вынуждены предупреждать девицу, чтобы она, несмотря на открывшиеся перед ней возможности светского обхождения, соблюдала скромность и целомудрие, не носилась по горницам, не садилась к молодым на колени, не напивалась бы допьяна, не скакала бы, наконец, по столам и скамьям и не давала бы себя тискать «яко стерву» по всем углам. Это было написано будто специально для излишне раскованной, бесшабашной Катюшки.

Особенно горячо она полюбила петровские ассамблеи, где до седьмого пота отплясывала с кавалерами. Маленькая, краснощекая, чрезмерно полная, но живая и энергичная, она каталась, как колобок, и ее смех и болтовня не умолкали весь вечер. Не изменился пылкий характер Екатерины и позже, когда на ее голову посыпались неприятности. «Герцогиня – женщина чрезвычайно веселая и всегда говорит прямо все, что ей придет в голову». Так писал о ней камер-юнкер голштинского герцога Карла Фридриха Берхгольца. Ему вторил испанский дипломат герцог де Лириа: «Герцогиня Мекленбургская – женщина с необыкновенно живым характером. В ней очень мало скромности, она ничем не затрудняется и болтает все, что ей приходит в голову. Она чрезвычайно толста и любит мужчин». Екатерина была совершенной противоположностью высокой и мрачной сестре Анне, и насколько не любила мать-царица Прасковья Федоровна среднюю дочь, настолько же она обожала старшую Катюшку-свет, которая всегда была рядом с матерью, потешая и веселя старую царицу. Но в 1716 году по воле царя ей пришлось отдать и Екатерину в жены мекленбургскому герцогу Карлу Леопольду – субъекту странному, даже сумасшедшему, окончившему жизнь в тюрьме за преступления против своего дворянства. Когда стало ясно, что семейная жизнь дочери не сложилась, главной страстной целью жизни царицы Прасковьи стало стремление вытащить Катюшку из Мекленбурга домой. Сохранились десятки ее писем к царю и его жене Екатерине Алексеевне с уничижительными, слезными мольбами вызволить из-за моря свет-Катюшку. А когда стало известно, что в 1718 году Катерина родила девочку – Елизавету Екатерину Христину (будущую Анну Леопольдовну), Прасковья Федоровна удвоила свои старания. Малышка сразу – хотя и заочно

– стала любимицей царицы. Здоровье внучки, ее образование, времяпрепровождение были предметами постоянных забот бабушки. Когда же Анне исполнилось три года, Прасковья стала писать письма уже самой внучке. Они до сих пор сохраняют человеческую теплоту и трогательность, которые часто возникают в отношениях старого и малого: «Пиши ко мне о своем здоровье и о здоровье батюшки и матушки своей рукою, да поцелуй за меня батюшку и матушку – батюшку в правой глазок, а матушку в левой. Да посылаю тебе, свет мой, гостинцы: кафтан теплой для того, чтоб тебе тепленько ко мне ехать. Утешай, свет мой, батюшку и матушку, чтобы они не надсаживались в своих печалях (а печали были действительно большие: Карл Леопольд так настроил против себя мекленбургское дворянство, что ему грозил имперский суд и отречение. – Е.А.), зови их ко мне в гости и сама с ними приезжай, и я думаю, что с тобой увижусь потому, что ты у меня в уме непрестанно. Да посылаю я тебе свои глаза старые (тут, в строчке, нарисованы два глаза. – Е.А.), уже чуть видят свет, бабушка твоя старенькая хочет тебя, внучку маленькую, видеть». Тема возможного приезда герцогской четы в Россию становится главной в письмах старой царицы к Петру и Екатерине. Прасковья Федоровна страстно хочет завлечь дочь с внучкой в Петербург и там оставить, благо дела Карла Леопольда идут все хуже и хуже: объединенные войска германских государств уже изгнали его из герцогства, и Карл Леопольд вместе с женой обивал имперские пороги в Вене. Помочь ему было трудно. Петр с раздражением писал племяннице весной 1721 года: «Сердечно соблезную, но не знаю, чем помочь. Ибо, ежели бы муж ваш слушался моего совета, ничего б сего не было, а ныне допустил до такой крайности, что уже делать стало нечего». К 1722 году письма царицы Прасковьи становятся просто отчаянными. Она, чувствуя приближение смерти, просит, умоляет, требует – во что бы то ни стало она хочет, чтобы дочь и внучка были возле нее. «Внучка, свет мой! Желаю тебе, друг сердечный, всего блага от всего моего сердца, да хочется, хочется, хочется тебя, друг мой, внучка, мне, бабушке старенькой, видеть тебя маленькую и подружиться с тобою: старая с малым очень дружно живут. Да позови ко мне батюшку и матушку в гости и поцелуй их за меня, и чтобы они привезли и тебя, а мне с тобой о некоторых нуждах самых тайных подумать и переговорить (необходимо)». Самой же Екатерине царица угрожала родительским проклятием, если та не приедет к больной матери. Вновь и вновь писала царица и Петру, прося его помочь непутевому зятю, а также вернуть ей Катюшку.

К лету 1722 года старая царица наконец добилась своего, и Петр потребовал, чтобы мекленбургская герцогская чета прибыла в Россию, в Ригу. Император писал в Росток, что если Карл Леопольд приехать не сможет, то герцогиня должна приехать одна, «так как невестка наша, а ваша мать, в болезни обретается и вас видеть желает».

Воля государя, как известно, закон, и Екатерина с дочерью, оставив супруга одного воевать с собственными вассалами, приезжает в Россию, в Москву, в Измайлово, где ее с нетерпением ждет царица Прасковья, посылая навстречу нарочных с записочками: «Долго вы не будете? Пришлите ведомость, где вы теперь? Еще тошно: ждем да не дождемся!» И когда 14 октября 1722 года голштинский герцог Карл Фридрих посетил Измайлово, то он увидел там довольную царицу Прасковью в кресле-каталке: «Она держала на коленях маленькую дочь герцогини Мекленбургской – очень веселенького ребенка лет четырех».

Уже из этого рассказа видно, что роль, которую играла вдовствующая царица Прасковья Федоровна при императорском дворе, была самой жалкой. Ни о каком царском достоинстве вдовствующей царицы даже речи не шло. Прасковья напоминала тех убогих вдов, старух-приживалок, которых бывало немало в домах богатых помещиков: их место – на дальнем конце барского стола, среди малопочтенной толпы таких же, как и она, полушутов и шутих, приживалок, компаньонов различного вида и рода. Если устраивал царь шутовской маскарад, то и царица выражалась в «зазорный» для ее высокого статуса и почтенного возраста наряд фрисландской крестьянки и участвовала в шутовских шествиях и многодневных попойках, большим любителем которых был, как известно, великий преобразователь России. Но все-

таки она больше жалась к жене Петра Екатерине Алексеевне. Вот ее-то, вчерашнюю портомою-простолюдинку, особенно старательно обхаживала старая царица из знатного рода. Она писала ей ласковые до приторности письма, спешила напомнить о себе приветами и подарками – ведь через «государыню матушку-невестушку» Екатерину был самый короткий путь к Петру и милостям его. Ублажала Прасковья униженными просьбишками и любовника императрицы – обер-камергера Виллима Монса. Да и денщикам Петра находилась подарок у старой царицы – тоже ведь люди нужные...

Когда же в барском доме вдова-приживалка была не надобна, она скрывалась в своем ветхом флигеле. Там, на отшибе, после всех унижений, она отдыхала, тешилась с многочисленными карлами, дурками, приживалками, вымещая скверное настроение и злобу уже на подневольных и зависимых от нее людях. Так царица Прасковья укрывалась в своем неуютном петербургском доме, если не удавалось вырваться в родное Измайлово. Среди челяди она могла отдохнуть, сбросить опостылевшую новоманирную одежду и всласть покуражиться над холопами и холопками. Между прочим, в ее окружении состоял полупомешанный подьячий и юродивый Тимофей Архипыч – автор бессмертного афоризма: «Нам, русским людям, хлеб не надобен, мы друг друга ядим и тем сыты бываем!» Кто может эту сентенцию опровергнуть? Хотя Прасковья, по старой традиции, была богомольна, но далеко не безгрешна – кровь ее еще не остыла. В 1703 году писавший портреты ее дочерей австрийский художник и путешественник де Бруин наметанным взглядом ловеласа отметил, что царица-то еще ничего себе: бела, дородна, с гибким станом, обходительна и приветлива к мужчинам. Один из них долгие годы пользовался ее особым расположением. Это был стольник Василий Юшков. Случайно на глаза посторонних попало зашифрованное примитивным кодом письмецо Прасковьи к Юшкову, начинавшееся словами: «Радость, мой свет!» Обычно так обращались друг к другу люди, связанные интимными отношениями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.